

A man in a red shirt and dark pants is walking away from the viewer on a dirt path that reflects the golden light of the sunset. The path is flanked by lush tropical vegetation, including palm trees and dense foliage. In the distance, a city with tall, spire-like buildings is visible, partially obscured by mist. The sky is filled with dramatic, colorful clouds, and two large, bright red moons are visible in the upper corners of the frame.

Тот, кому Господь не дал имени

Lika Gulua

Zika Gulua

Тот, кому Господь не дал имени

«Автор»

2026

Gulua Z.

Тот, кому Господь не дал имени / Z. Gulua — «Автор», 2026

Что есть жизнь — дар Всевышнего или проклятие? Там, в ледяной пустоте глубокого космоса, было совершено преступление, ценой которого стала вечность. В наказание непокорная душа была изгнана на Землю, обречённая на самое страшное перерождение — в уязвимом теле обычного человека. Отныне реальность стала пожизненной тюрьмой, а земное существование — тяжёлым, нескончаемым сном, от которого невозможно проснуться. Молодая девушка-психиатр сталкивается со странным пациентом. Его сознание балансирует на грани между земной явью и призрачным миром грёз. Поначалу профессиональный цинизм заставляет её видеть в этом лишь тяжёлое, разрушительное расстройство. Однако, шаг за шагом погружаясь в лабиринты чужого разума, она совершает пугающее открытие. Врач начинает понимать: что долгое время пыталась исцелить, жгучую тоску по утраченному дому — опрометчиво назвав это болезнью.

© Gulua Z., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Встреча	5
Знакомства	10
Барон	16
Диалог 1	22
Сон	24
Диалог 2	26
Приют	29
Диалог 3	37
Нигмат Ирикон	39
Диалог 4	44
Смута	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тот, кому Господь не дал имени

Глава

*Бог создал человека по своему
образу подобно и за это обрёл того
на страдания, ибо лишь в
страданиях, возможно постичь суть
самой человечности.*

Зика Гулуа

Встреча

Глава 1. Встреча с незнакомкой.

В предрассветный час, спеша по мокрым городским улицам, я безуспешно пытался найти укрытие от усиливающегося дождя. На горизонте за линиями домов молния прорезала небо, и тут же раздался грозный раскат грома: ливень с невероятной силой обрушился на город.

Не успев ощутить пронизывающую сырость, я нашёл спасение под крышей ближайшей автобусной остановки. Звуки дождя усиливались, капли барабанили по жестяной крыше, а его рёв то и дело прерывался гулом проезжающих машин. Под монотонный шум в такую непогоду я, оставшись один, погрузился в размышления о смысле всего сущего.

— Кто мы, люди, — спрашивал я себя, — одно из бесчисленных созданий, появившихся на свет лишь для того, чтобы раствориться в вечности, или же наше появление — случайное явление в этом огромном, таинственном и бесконечном мире?

В мире, где человеческая судьба измеряется лишь несколькими десятками лет, человеку за столь краткий миг не дано ни времени, ни мудрости, чтобы постичь все волнующие его тайны. Может быть, нам запрещено знать ответы на эти вопросы? Если так, то почему?

Вдруг предрассветную тишину прорезал тихий, жалобный плач.

Я мгновенно отбросил свои мысли и обернулся. В сизом полумраке угадывался силуэт девушки, одиноко сидевшей на скамейке возле остановки. Скрывать тоску она и не пыталась: тонкие пальцы то и дело прижимали к лицу платок, утирая непрекращающиеся слёзы. Несколько минут я просто наблюдал за ней, чувствуя, как её безмолвная, отражающаяся в глазах боль передаётся и мне. И хотя мы были совершенно чужими людьми, я не выдержал. Шагнув вперёд, я решил произнести хотя бы пару тёплых слов, ведомый лишь искренним желанием утешить.

— Простите мою навязчивость, — мягко начал я. — Но это утро и без того слишком мрачное, чтобы встречать его в одиночестве и со слезами на глазах. Не хотите ли вы выговориться незнакомцу? Порой разделить печаль с прохожим — самый верный способ её облегчить.

Мои слова, казалось, задели какую-то сокровенную струну в её душе. Она медленно подняла поникшую голову. Из полумрака на меня взглянули пронизательные, глубокие зелёные глаза.

— Вы верите в Бога? — негромко спросила она.

Её красота в этот миг казалась ослепительной, а чистый, нежный голос парадоксальным образом приносил покой, разгоняя сырость промозглого дождливого утра.

Я помедлил, замороженный этим контрастом, и ответил:

— Верю. А вы?

Изящным, почти невесомым движением руки она смахнула последние слезинки с покрасневших от волнения щёк, будто отпуская остатки горьких чувств.

— Возможно, я верила, — тихо произнесла она, вступая в разговор. — До тех пор, пока не повстречала одного человека. Теперь — нет. Теперь во мне нет места сомнениям: я твёрдо знаю, что Бога не существует.

— Неужели вам попался безумец, чьи слова вы приняли слишком близко к сердцу? — искренне удивился я, пытаясь разгадать причину её глубокой скорби. — Неужели кто-то чужой смог разрушить веру, которая жила в вашей душе?

Девушка грустно улыбнулась.

— Прошу прощения, кажется, в начале беседы я не совсем верно выразила свою мысль, — мягко пояснила она. — Пожалуй, буду откровенна: мой взгляд на этот вопрос всегда был скорее научным, нежели религиозным. Я и прежде склонялась к тому, что концепция Бога — лишь инструмент, искусно созданный амбициозной элитой прошлого. Главная цель этого замысла всегда была прозаична: удерживать безграничную власть над трудолюбивыми, усердным и в то же время покорным народом.

— Что вы хотите этим сказать? — уточнил я.

— Лишь то, что испокон веков бедные крестьяне и простые люди, отверженные и лишённые самого святого — свободы и права на жизнь, — владели жалкое существование под гнётом тех, кто наживался на их труде. Но в тот переломный исторический момент из уст человека тщеславного и алчного, жаждущего лишь власти и богатства, вдруг прозвучал голос Творца. Прикрываясь именем вымышленного божества, этот нехороший человек внушал обречённым простолюдином надежду на спасение, возвращая им веру, которая на самом деле возвеличила лишь его собственный замысел.

— Вы утверждаете, будто не Бог создал человека, а человек — Бога?! Это поразительно! Я никогда прежде не сталкивался с подобной мыслью, — воскликнул я. — Ведь я дважды в неделю бываю в храме. Склоняя голову перед образами, я изливаю душу, молю о прощении грехов и повторяю те самые слова, что мои предки шептали задолго до моего рождения. После исповеди я всегда чувствую, как с души спадает тяжкий камень. Я очищаюсь, приобщаясь к Слову Господню, к Сыну Его и Святому Духу. То, о чём говорите вы, чуждо моему разуму.

— Отчего же? Вами движет страх. Именно он мешает вам обрести опору в самом себе. Вы боитесь сделать самостоятельный выбор и потому вновь ищите защиты у высшего существа, чьего лика никогда не видели, уповая на Его милость. Не находите это странным?

— Не стану отрицать, подчас страх проникает в самое сердце. Но я человек верующий и считаю себя лишь смиренным слугой Господа, а всякому рабу Божьему ведом трепет перед Его волей. Я слаб, я всего лишь человек, и никогда об этом не забываю.

— Безусловно, вы имеете право так думать. Но разве не в ином кроется истинное величие Творца? Создать мир по Своему образу и подобию — не значит ли это возвысить человеческий род до Своего уровня?

— Я понимаю, к чему вы клоните, — отозвался я. — Если Бог создал нас по подобию Своему, значит, Он вовсе не желал видеть в нас рабов...

— И всё же мне не даёт покоя один вопрос: если Он сотворил мир столь совершенным и пошёл на такие жертвы, почему же тогда Он обрекает Свои творения на столь горькие страдания?

— Возможно, лишь через страдания нам дано постичь истинную глубину человеческой природы и разглядеть ту самую божественную искру, что теплится в каждом из нас, — она на мгновение опустила взгляд на мокрый, блестящий асфальт, а затем вновь посмотрела на меня. В глубине её зелёных глаз угадывались смертная усталость и странное, почти пугающее спокойствие.

— Потому что страдания учат нас различать боль, — тихо произнесла она. — Не в наказании ли проявляется та самая искра, а в испытании — ради того, чтобы мы помнили о своих границах, о том, что далеко не всемогущи?

— Разве мы не готовы принять эти границы, когда устремляем взор к Вечности? — спросил я. — Разве благодарность не вспыхивает в сердце, едва понимаешь, что тебе дарован выбор?

— Благодарность — да, но чаще она приходит не ослепительным сиянием, а тихим шёпотом: «Ты волен выбрать иной путь, не тот, которым движут страх или жажда власти». Бог, если Он есть, не должен служить орудием манипуляций. Но люди слишком часто используют Его имя так, что Он начинает казаться голосом триумфатора, шепчущим: «Я прав». Мой же опыт говорит о противоположном: Он скорее был голосом слабых и уязвимых — тех, кто просто верил, что их услышат.

Зика Гулуа

— Благодарность — да, но чаще она приходит не ослепительным сиянием, а тихим шёпотом: «Ты волен выбрать иной путь, не тот, которым движут страх или жажда власти». Бог, если Он есть, не должен служить орудием манипуляций. Но люди слишком часто используют Его имя так, что Он начинает казаться голосом триумфатора, шепчущим: «Я прав». Мой же опыт говорит о противоположном: Он скорее был голосом слабых и уязвимых — тех, кто просто верил, что их услышат.

— Вы полагаете, что голос Бога исказили те, в чьих руках сосредоточены судьбы простых людей? — спросил я, и внутри у меня закрался тонкий холодок.

Она кивнула:

— Да. И именно поэтому я верю в Бога как в идею — пожалуй, как в абсолютный идеал. Но в свой черёд Он вызывает к нашей ответственности друг за друга. Бог, если Он существует, не станет просто спасать людей от них самих. Он — то, что пробуждает в нас понимание и сочувствие, а не бездумное подчинение и трепет.

— И всё же, если Бог для вас не повелитель, то кто же Он? — не отступал я.

— Он — образ Того, к кому мы стремимся, сохраняя в себе человечность, — ответила она. — В каждом из нас заложена искра, способная обернуться и светом, и тьмой. Выбирая свет, мы доверяем себя Его воле, и в награду перед нами приоткроются врата рая. Если же выбираем тьму — земля разверзнется под ногами, и мы без труда примкнём к падшим, канув в логово вечного мрака. Но беда в том, что оба этих пути вызывают к нашему страху, а не к нашей свободной воле.

— Пожалуй, именно поэтому нам и нужна вера, вам не кажется? — заметил я.

— Именно. Вера может быть обращена не к чему-то над нами, а к тому, что сокрыто внутри, — к нашей способности творить добро даже в беспросветной тьме. Я не отрицаю вашего опыта молитвы и вашей связи с Господом, но не могу принять Его как некую грозную фигуру, управляющую каждым нашим шагом. Скорее, Бог — это замысел, который мы воплощаем вместе, чтобы не сгинуть в хаосе бесконечности.

— Тогда почему вы верили прежде? — спросил я, чувствуя, как сердце на миг оттаяло, наливаясь щемящим состраданием.

— Верила, потому что страх держал меня за руку, — ответила она. — Верила, потому что в минуты, когда мир казался холодным и чужим, молитва дарила спасительное чувство: Но затем я увидела, как вера ранит людей, когда её превращают в орудие подавления, в способ подчинить чужую волю. Тогда я взглянула на это через призму науки и истории. Если Бог есть, Он едва ли станет требовать слепой верности. Если же Его нет — мы вольны сами отыскать свой путь к добру.

— И вы верите, что добро возможно без Бога?

— Верю. Сама наша способность помогать друг другу — это и есть то единственное, что удерживает мир на плаву.

— Но если люди сами выдумывают Бога, чтобы оправдать власть и угнетение ближних, разве это не доказывает лишь человеческую слабость? Где же здесь высший смысл? — возразил я, ощущая, как безупречная логика спорит с робкой искрой сомнения на самом дне души.

— Возможно, и так. Но слабость — не приговор. Мы в силах научиться жить так, чтобы сила не оборачивалась насилием, а власть не превращала нас в злодеев.

— Значит, по-вашему, путь к Богу — не застывшая догма, а непрекращающийся диалог человека со своими сомнениями? — спросил я, и в моём голосе впервые проскользнула слабая надежда.

— Именно. Бог — это бесконечный диалог. Он зарождается внутри каждого из нас и продолжается между людьми: теми, кто истово верит, и теми, кто мучительно сомневается. Мы не обязаны приходить к единому ответу. Главное — не потерять друг друга на этом пути.

Её слова отозвались во мне чем-то редким, бесконечно ценным. Я почувствовал, как сырой холод дождя, барабанившего по козырьку автобусной остановки, медленно отступает перед робким теплом понимания. Ветер утих, и капли больше не колотили по металлу так гулко — будто само это утро замерло, боясь пропустить хоть одно наше слово.

— Может быть, нам и не нужно искать единственный ответ, чтобы двигаться дальше? — тихо произнёс я. — Может, достаточно и того, что сейчас мы делимся друг с другом болью и надеждой, пусть даже они у нас совершенно разные?

— Возможно. В такие минуты, когда небо ещё беспросветно тёмное, а город дремлет под мокрым покрывалом, мы и сами становимся ответами на вопросы друг друга, — мягко отозвалась она. — И если однажды наши пути снова сойдутся, мы, быть может, продолжим этот разговор и заглянем ещё глубже. Но, к счастью или к сожалению, завершить его мы не сумеем.

Мы улыбнулись и умолкли. Я вновь устремил взгляд ввысь, где на горизонте ещё вспыхивали молнии — но уже лениво, угасая. Город пробуждался. Гул далёкой трассы постепенно возвращал в реальность, словно привычный мир требовал позабыть о минутных сомнениях ради суеты грядущего дня.

«Ещё один вопрос», — промелькнуло у меня в голове. Вопрос, которому со временем суждено было превратиться в удивительную повесть о том, как она повстречала на своём жизненном пути одну раненную и поникшую душу.

— И всё же, кто вы? Почему я так увлёкся нашей беседой, что совершенно позабыл о главном? Если не злой рок причина ваших слёз, то кто или что заставляет вас так глубоко страдать?

— Тот, кого вы опрометчиво прозвали безумцем, — ответила она.

— Выходит, он обидел и покинул вас?

— Да, он действительно оставил меня. И выбрал для этого самый неподходящий миг.

— Но почему?

— Это слишком долгая история. Хватит ли у вас терпения её выслушать?

— Я уже и не помню, когда встречал столь тонкого и увлекательного собеседника. Разумеется, я не упущу возможности продолжить наш разговор.

— Благодарю вас, — искренне произнесла она. — Мне и вправду нужно было выговориться, излить кому-то свои печали и горести. Доверить эту боль пусть даже незнакомцу, который, возможно, не разделит моих чувств, но хотя бы просто выслушает.

— И всё же я не совсем понимаю... — пробормотал я.

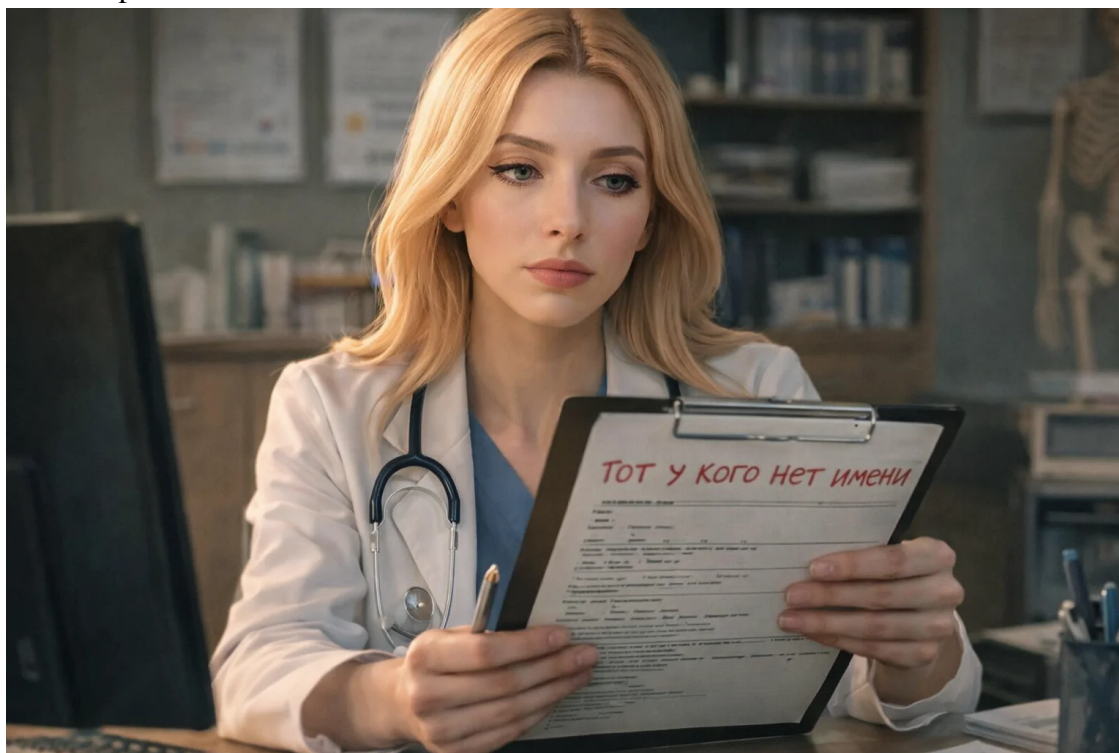
— Видите ли, я врач-психиатр. До сегодняшнего дня я практиковала в лечебнице для душевнобольных. За три года через мой кабинет прошли десятки пациентов, и я с уверенностью могу сказать: каждый из них был по-настоящему болен и опасен в своём неведении. Но полгода назад к нам поступил мужчина лет тридцати пяти. У него была глубокая амнезия — он не помнил даже собственного имени. Ни близких, ни друзей, ни прошлого... Из всей одежды на нём была лишь больничная сорочка, в которой его и доставили в стены нашего учреждения.

Знакомства

Глава 2. Досье — первые откровения.

С самого утра на улице бушевала непогода: моросил мелкий дождь. Приступив к дежурству, я погрузилась в изучение историй болезни пациентов, впервые попавших в нашу больницу. Взяв в руки пятую по счёту анкету, я увидела, что на ней красным фломастером зияла таинственная надпись: «Тот, у кого нет имени».

В графе «возраст», как и в остальных паспортных данных, стоял прочерк. Предварительный диагноз дежурного врача казался страшным — шизофрения. Причиной госпитализации послужила попытка самоубийства, а также кратковременная потеря памяти, возникшая в период обострения.

При изучении анамнеза выяснилось, что на третий день интенсивной терапии пациент пришёл в сознание и приступы прекратились. Лечащий врач, оценив его самочувствие как удовлетворительное, отметил необходимость срочного направления на психиатрическое обследование. По его указанию я незамедлительно вызвала медсестру и распорядилась доставить больного в мой кабинет.

Вскоре раздался тихий стук в дверь. Я чётко и громко попросила войти. Однако, несмотря на мой призыв, дверь оставалась закрытой. Не дожидаясь, пока он сам решится переступить порог, я встала и приоткрыла её.

Мой взгляд упал на человека, в глазах которого читалось отчаянное стремление к смерти, которую он так упорно искал. Увидев его измученное лицо, я содрогнулась. Я испугалась того, что таилось внутри: нескончаемой боли и страданий, сопровождавших его с самого детства, которые отчётливо проступали на исхудавших, костлявых скулах.

Растерянное лицо пациента застыло. Мы так и смотрели друг на друга, не отрываясь, пока наконец, собравшись с силами, я достаточно уверенно пригласила его в кабинет. Только со второй просьбы он медленно переступил порог, словно преодолевая невидимый барьер. Подхватив за локоть, я провела гостя вглубь и осторожно усадила за стол. После короткой паузы, когда мы оба перевели дух, я начала нашу необычную беседу.

— Как ваше самочувствие?

— Доктор, спасибо. Чувствую себя гораздо лучше, чем вчера.

— Я рада. Я ваш лечащий психиатр. Хочу, чтобы вы знали: если вам не подойдёт мой подход к лечению, вы можете обратиться к администрации больницы и попросить другого специалиста. Это ваше право.

— Я не имею ничего против вас.

— Вы сказали, что чувствуете себя лучше, чем вчера. В связи с этим у меня возник вопрос: помните ли вы события вчерашнего дня? Если да, то как его провели?

— Вчера я очнулся при слабом солнечном свете, словно моя душа вернулась в тело. Лёжа на кровати с белоснежными простынями, я старался рассмотреть обстановку и вспомнить, что могло произойти. Но в голове была лишь пустота, а пробуждение сопровождалось острой, порой нестерпимой болью. Вдруг раздался шёпот:

— Говори тише... иначе они услышат, и всех нас постигнет беда.

Обернувшись, я увидел мужчину, сидевшего на соседней койке. У него было небритое лицо, кудрявые рыжие волосы до плеч, и одет он был в чёрно-белую полосатую пижаму. Его выпученные, широко расставленные глаза неотрывно смотрели на меня.

— Где я нахожусь? — спросил я.

— Говори тише, вдруг нас услышат, и всех нас постигнет беда, — снова произнёс он.

— Кто они? — задал я вопрос.

— Само зло, несокрушимое, — задумчиво ответил он.

Кивнув, сосед указал пальцем на окно и показал, как мимо проёма мелькают силуэты людей в белых халатах.

— Я в больнице? — поинтересовался я у странного соседа.

Вне себя от страха он заметался, откидывая голову то вправо, то влево, и с ужасом произнёс:

— Гораздо хуже: ты обречён на вечные муки. Ты в аду.

— Но ведь это больница, а в белых халатах — врачи, — пробормотал я вслух.

— Там тьма, — снова произнёс он. — Но я не в силах справиться с ними в одиночку.

После слов рыжего безумца в палату вошли несколько медиков. Один из них попытался разъяснить мне ситуацию, в которой я оказался:

— Как ваше самочувствие?

Я сказал, что чувствую себя хорошо, и попросил отпустить меня.

— Домой пока не получится, дорогой, — ответил врач. — Тебе предстоит пройти длительный курс лечения.

— Лечение? Отчего? Я себя хорошо чувствую!

Доктор был непреклонен, и его слова меня ужаснули:

— Понимаете, молодой человек, ваша болезнь может развиваться с такой скоростью, что сознание просто не успевает адаптироваться к стремительному натиску недуга. В результате в глубинах вашего рассудка образуется некая «чёрная дыра», которая поглощает вашу реальность, и наступает разрыв — то есть начало бессознательного состояния. Мы предполагаем, что у вас шизофрения. Наша первоочередная задача — вылечить вас и определить, не представляете ли вы опасности для окружающих.

— Испуганный таким грозным приговором, я всё же продолжал настаивать на своём.

— Не бойтесь, доктор, я безвреден.

— Допускаю очевидное: для окружающих вы, может, и не опасны. Но для самого себя?

— Моему волнению не было предела.

— Что вы имеете в виду, доктор?

После этого врач стал рассказывать мне о моих необъяснимых поступках, о которых я ничего не помнил.

— Вы пытались покончить с собой — хотели прыгнуть с крыши многоэтажного здания. Благо подоспевшие пожарные смогли спасти вас от столь безумного поступка. Только не волнуйтесь, вы обязательно поправитесь, но для этого нам нужна ваша помощь и полное содействие: вы должны принимать лекарственные средства, которые я вам назначу.

Я пообещал доктору неукоснительно выполнять все предписания. Пожав мне руку, он и остальные врачи покинули палату, и я снова остался наедине с тем рыжим чудаком, который сидел напротив.

— Я очень рада, что болезнь отступила так неожиданно быстро. Такое бывает редко или когда недуг наступает впервые. Но, как бы там ни было, нам нужно воспользоваться этим шан-

сом и закрепить ваш рассудок в нужном русле. Вы упоминали о головных болях. Они беспокоили вас раньше?

— Нет, раньше не беспокоили.

— Отлично. Простите, что затрагиваю личный вопрос, но для нас сейчас важна любая мелочь. В анкете написано: «Тот, у кого нет имени». Означает ли это, что у вас на самом деле нет имени, или же это просто техническая ошибка, допущенная нашим учреждением при вашей регистрации?

— Это не ошибка. У меня нет имени, потому что никто не дал его мне. Я рос один и своих родителей никогда не видел.

— Я должна знать. Как мне к вам обращаться?

— Меня все с детства звали Сиротой. Зовите меня и вы так.

— Как вам будет угодно. Ответьте, вы когда-нибудь слышали посторонние голоса? Быть может, кто-то с вами разговаривает?

— Вы ведь об этом спрашиваете, доктор: разговариваю ли я сам с собой?

— Простите мне мою неучтивость. Вы правильно поняли мой вопрос.

— Нет, доктор. Посторонних голосов не слышу и не разговариваю сам с собой.

— Очень хорошо. Может, у вас есть какие-либо жалобы на своё здоровье: помутнение в глазах, шум в ушах, боли в запястьях? Ответьте, вас что-нибудь беспокоит?

— Спасибо, доктор, за заботу, но моё здоровье меня не подводило.

— Извините меня, пожалуйста. При поступлении на вас была козённая больничная одежда. Вы не помните, может, лежали в больнице недавно?

— Не припоминаю такого, доктор.

— Меня ещё интересует: помните ли вы дни своей юности или же эпизод жизни из недавнего прошлого?

— Я всё помню, доктор, и был крайне удивлён, когда врач сообщил, что я впал в беспамятство.

— Давайте мы с вами всё и выясним. Прошу вас отнестись с пониманием к вопросам, которые я буду вам задавать.

— Разумеется, я всё пойму.

— Вам известно, какой сегодня день недели, число и месяц?

— На дворе начало лета, первые числа июня. Вторник, кажется. Или это не так?

Он был не уверен в ответе, именно поэтому задал встречный вопрос. Но деваться было уже некуда. На улице стояла глубокая осень, которая начинала уступать свои права наступающей холодной зиме. Пациент действительно потерял память. В беспамятстве он находился более чем существенное время: как минимум четыре месяца. Чем дольше я тянула с ответом, тем сильнее в его глазах иссякал свет надежды. Он осознавал, что всё далеко не так, как ему хотелось.

— Конец ноября. Послезавтра — первый день зимы.

Я попыталась произнести эти слова без жалости. Не знаю, как у меня получилось, но Сирота стал понимать, что его не было на этом свете достаточно долгое время. Приняв правду такой, какая она есть, он с достоинством отнёсся к действительности и, медленно покачивая головой, продолжил наш разговор и тревожно произнёс:

— Значит, это правда.

Я не хотела затрагивать время, когда он ничего не помнил, но должна была прояснить ситуацию. Сейчас меня интересовала причина болезни, которую я смогла бы обнаружить только в истории его жизни.

— Значит, правда. Вы большой молодец. Приняли это как настоящий мужчина. Я врач, а вы мой пациент, но я хочу, чтобы мы стали друзьями. Мы должны довериться друг другу.

— Если дела обстоят так плохо, разумеется, я сделаю всё, что в моих силах.

— Мы будем идти постепенно и начнём с дней вашей юности. Если что-то помните из далёкого прошлого, какие-нибудь эпизоды вашей жизни, когда вы были ребёнком, расскажите.

Сирота, к моему удивлению, прекрасно помнил своё детство. Без особых раздумий и колебаний он стал приоткрывать занавес своей удивительной и в то же время непростой, тяжёлой жизни.

Барон

Глава 3. Гнев Небес

Моё детство было пропитано одиночеством, так как я никогда не ощущал заботы и тепла близких. В этом бесконечном городе я скитался, словно потерянный, жаждущий хоть какой-то защиты. Развалины старых садов с полуразрушенными постройками становились моими временными убежищами. В них я находил старые вещи, которые, пусть и не давали настоящего уюта, всё же служили своеобразным щитом от непогоды.

Когда наступала зима, я искал укрытие понадежнее, где можно было спрятаться от ветра, холода и суеты — место, где я мог хотя бы на время забыть о своей тоске. Тёплый поток от трубы дарил иллюзию уюта. Я представлял себе иную жизнь, полную любви и заботы, с близкими и собственным домом. Но наступившее утро неизменно вытаскивало меня из грёз, напоминая о суровой реальности: пустом животе и лютном холоде, которые заставляли снова и снова бродить в поисках хоть какой-нибудь пищи.

Независимо от того, в каком заведении я оказывался, мне всегда удавалось утолить голод. Повара, словно сговорившись, оказывались отзывчивыми и добрыми людьми: они неизменно протягивали мне руку помощи, угощая и снабжая необходимыми припасами. Такое отношение сопровождало меня до самой весны. Но однажды, в одном из мест, где я обычно находил приют, меня встретили не с привычной доброжелательностью, а с намерением поймать.

Двое мужчин и молодая женщина без тени вежливости открыто объявили меня беспризорником и попытались задержать. Я сумел вырваться из их рук, ловко освободившись, и скрылся, лишь изредка улавливая вдали отчаянные, постепенно стихающие крики преследователей. Время от времени ветер приносил обрывки их фраз:

— Куда бежишь, негодник? Мы ведь плохого тебе не желаем! Вернись — в интернат пойдёшь!

Но я бежал всё быстрее и быстрее. Оторвавшись от преследователей, я удалялся от города дальше, чем мог предположить.

Путь мне преградила река. Дойдя до неё, я остановился и стал обустраиваться на новом месте, в устье маленького ручья. Я построил шалаш из веток и впервые в жизни обзавёлся собственным домом, в котором прожил до середины лета.

Научившись ловить раков в норах у песчаного берега, я утолял голод. А к лету, в часе ходьбы от моего лагеря, я обнаружил ухоженный и плодоносящий фруктовый сад. На деревьях росли сочные яблоки и потрясающе вкусные груши, чей аромат я, кажется, чувствую до сих пор. Но с каждым днём ко мне тихо подкрадывался час расплаты. В очередной раз, встав на истоптанную тропу, я отправился утолять утренний голод. Я проскочил через дыру, проделанную в колючем заборе, и тут же очутился на своём любимом дереве, ветви которого ломились от изобилия плодов. Не успел я дотянуться до приглянувшейся груши, как внизу послышался грубый голос...

— Мерзкий, гадкий воришка! Попался!

Кинув взгляд вниз, я увидел стоящего под деревом бородатого человека. В руках он держал ружьё. Взмахнув курок, он нацелил оружие в мою сторону. От страха я неловко переставил ногу с ветки на ветку, поскользнулся и, сорвавшись с высоты, без сознания рухнул на землю.

Не знаю, сколько времени прошло с той минуты. В сознание я пришёл от жуткой боли, пронзившей всё тело с головы до ног. Казалось, будто кто-то избивал меня, отчего кости выворачивались наружу. В ушах стоял оглушительный шум, словно в голову со всех сторон забивали гвозди.

Мне было плохо и очень страшно. Вокруг стояла сплошная темнота, из глубины которой доносился хриплый лай собаки. Я попробовал перевернуться со спины, чтобы встать, но все

усилия оказались тщетными: правая нога была скована цепью, звенящей при каждом движении. На этот звук откликнулся тяжёлый топот сапог. Дверь скрипнула, и зажёгся свет.

Передо мной предстал тот самый бородатый человек. Он приблизился на несколько шагов, присел на корточки и спокойным голосом произнёс:

— Бог свидетель, если бы ты не свалился с того дерева, лежать тебе сейчас в сырой земле. Но там, на небесах, распорядились иначе. Пусть будет так, как им угодно. Живи и помни, благодаря кому ты всё ещё ступаешь по этой грешной земле».

Так я стал пленником. Мальчишка оказался в рабстве у цыганского барона по имени Ромулу.

На следующее утро, со скрипом отворив дверь, в каморку зашёл цыганёнок возрастом ненамного старше меня. Достав из кармана ключи, он стал неуверенно отмыкать кандалы на моей ноге. Спустя некоторое время, справившись с замком, он горделиво и в приказном тоне произнёс:

— Вставай.

Я поднялся и выпрямился во весь рост. К его удивлению, я оказался выше. Разозлившись, он ударил меня по голове и презрительно пробурчал себе под нос:

— Негоже батраку на хозяина свысока смотреть. В моём присутствии ты будешь подгибать колени, чтобы твоя голова была ниже моей.

Он снова ударил меня для острастки, и я тут же согнул колени, став ниже его.

— Ступай за мной, воришка, — удовлетворённо сказал он.

Выбора у меня не было. С болью, охватившей всё тело, я, словно калека, поплёлся за ним. Мы вышли во двор. Когда я ступил босыми ногами на сырую от росы траву, мне стало легче. Ощущая влагу на измученных пятках, я словно возродился и вновь почувствовал вкус жизни. Мне захотелось жить, невзирая на трудности, которые послала судьба.

Миновав двор, мы приблизились к беседке. За столом в оборванной рубахе сидел старик с густой седой бородой и тяжёлым взглядом несчастного человека. Он непрерывно смотрел в нашу сторону. Заметив нас, цыганёнок так же гордо бросил ему:

— Старик, принимай себе в помощь воришку.

— Бога побойтесь, какой из него помощник? Он, поди, ещё толком на ногах стоять не умеет...

Но цыганёнок был непреклонен:

— Барон так велел.

Старик в недоумении развёл руками и тихо проговорил:

— Велел так велел.

После этого цыганёнок развернулся и, словно важная птица, медленно удалился. Через минуту я остался наедине с милым на вид стариком, который тут же голосом доброго человека начал разговор:

— Как тебя угораздило оказаться в этом проклятом месте? И хватит уже, как курица, передо мной стоять. Я такой же батрак, как и ты, только пенсионер, в скором времени собирающийся на вечный покой.

Я выпрямился, облегчённо вздохнул и, переведя дух, робко осмелился сесть за стол на стул из спиленного древесного кругляка. В тот же миг из моих глаз хлынули слёзы, и я заплакал от раздирающей боли в ноге: рана начала кровоточить. Старик увидел, что я схватился за ногу, тут же бросился ко мне и, закатав оборванные штаны до колена, стал хлопотать над моей раной, тихо, почти шёпотом приговаривая себе под нос:

— Как только земля носит таких негодяев, а хороших людей обрекает на страдания с самых ранних лет... Отчего так? — вдруг задал он мне вопрос.

Сквозь слёзы и дикую боль у меня вырвался ответ:

— Видимо, жизнь для таких, как мы, — тюрьма, а для них — наслаждение.

Поступив в распоряжение старика, я стал помогать ему по хозяйству. В основном на нас лежала ответственность по уходу за лошадьми нашего хозяина, который души не чаял в своих скакунах, особенно в жеребце по кличке Буран. Барон был жесток и за провинность, причинившую вред любимому питомцу, карал смертью, а после избавлялся от тел, сжигая их в печи, огонь в которой разжигался строго по ночам. Старик боялся барона больше огня и при виде его кланялся до самой земли.

Однажды на рассвете в конюшню неожиданно зашёл хозяин и застал нас сидящими на пустых перевернутых вёдрах. Увидев барона, старик торопливо вскочил и мгновенно поклонился, да так низко, что задел головой лежавший перед нами мешок с овсом. По лицу барона скользнула хмурая усмешка, обнажив сверкнувшие золотые зубы. С движением которых он заговорил:

— Аккуратнее, старик, не то в один день таким поклоном можно себе и голову размозжить. Откуда ты только свалился на мою голову? Как, воришка, справляется? Или сразу его в костёр, чтобы похлёбку зря не переводить на такого лодыря, как ты?

— Что вы, хозяин, он уже вполне справляется самостоятельно! От негодника толку больше, чем если бы я был без него, — испуганно ответил старик.

— Завтра приедет мой брат с покупателями на лошадей посмотреть. Уведите Бурана из конюшни, пусть в саду попасётся, не то увидят — украдут, — дал наставление барон.

— Как прикажете, хозяин, — поклонился старик.

Буран казался мне богом среди остальных лошадей: ретивый и неприступный, как высокая скала. Он не признавал никого, кроме барона и старика, которым позволял себя оседлать. Старик потихоньку рассказывал, что барон убил прежнего хозяина коня, а скакуна увёл с собой, поэтому никому его и не показывал. Он боялся, что цыгане проведают о том, что Буран находится у него, и каждый раз, когда приезжала их свора, отправлял нас троих в тот злополучный сад».

Ранним утром, как только начало светать, мы покинули имение Ромулу и отправились на пастбище. Углубившись в сад, подальше от посторонних глаз, мы устроились под огромной плодоносящей яблоней, чьи плоды то и дело срывались с веток и расшибались вдребезги о зелёную траву.

Бурану надели длинный чумбур и привязали его неподалёку, где он принялся за своё любимое занятие — щипать свежую траву. Время шло. К обеду солнце стало припекать, и я, спросив разрешения, прилёг в тени. Старик позволил мне сомкнуть глаза, и я задремал. Мне приснился сон.

Я стоял в глухом лесу, а вокруг, в непроходимых зарослях, слышался лай собак, от которых я спасался бегством. Вдруг послышался голос старика: он, сгорая от боли, истошно кричал и звал смерть. Позади себя я услышал страшное рычание. Осторожно обернувшись, я увидел хозяйскую лайку. Она оскалила клыки и бросилась на меня, и в этот момент я проснулся.

Пробудившись от кошмара, я встал на ноги, отряхнул прилипшую к штанам траву и неторопливыми шагами пошёл в сторону старика. Но когда я дошёл до места, где был привязан Буран, то, к своему ужасу, не обнаружил там ни коня, ни старика. Я стал кричать во весь голос, но в ответ слышалось лишь моё собственное эхо. Страх начал овладевать моей душой.

В поисках старика и коня время летело так быстро, что я не успел оглянуться, как настал вечер и солнце уже приблизилось к горизонту. Пора было двигаться в обратный путь — путь, который предвещал мне одному страшную беду, а, быть может, и погибель.

Только я успел отогнать эти гнусные мысли, как светило скрылось за горизонтом и на фруктовый сад упали ночные сумерки. Когда вокруг померкло, вдали послышался яростный лай хозяйских собак, а затем — стук копыт. На конях сидели всадники, и среди их голосов я стал различать знакомые.

— Ищите старика и мальчишку! — во весь голос гневно кричал барон, своим жутким тоном наводя на меня ужас.

— Рамадан, найди мне это старое ничтожество, чтобы я шкуру с него смог снять живьём! — орал он старшему сыну.

Затаившись за деревом, я застыл словно камень, вслушиваясь в приближающийся галоп. Конь вот-вот должен был проскакать мимо, но, к моему счастью, издалека раздался громкий голос Рамадана:

— Отец, собаки взяли след!

Услышав слова сына, всадник развернулся и поскакал в противоположную сторону, тем самым избавив меня от столкновения с бароном.

Воспользовавшись случаем, я побежал по грушевой аллее и, быстро миновав небольшую поляну, стал взбираться на возвышенность. Она была сплошь покрыта непроходимой смесью колючек и крапивы. Превозмогая невыносимую боль, я пробился сквозь заросли и спрятался, чувствуя, как в мою плоть вонзаются иглы диких растений.

В глубине сада всё ещё слышался лай собак и нечёткие голоса барона и его сыновей. Через некоторое время хаотичный шум толпы стал приближаться, крики становились громче, а слова — понятнее.

— Несносный старикашка, посмел украсть моего коня! — снова и снова громко приговаривал барон.

— Куда его, отец? — горделиво прозвучали слова Рамадана.

— Ромалэ! — скандировал цыганский барон с удовлетворением.

Выстрел из ружья разрезал ночное небо. Раздался свист всадников и визг лошадей, и сквозь этот шум стал пробиваться замученный, испуганный до смерти голос моего пропавшего товарища.

— Не убивай меня, хозяин! Они заставили меня! Твои цыганы! — причитал пойманный старик.

Через некоторое время из-за деревьев грушевой аллеи замелькали световые зайчики от фонарей в руках тех, кто волок за собой старого бедолагу. Тот кое-как поспевал за хозяйской лошастью и, спотыкаясь, то и дело падал, но чудом умудрялся вновь встать на свои старческие ноги.

Первыми на поляну, перед моим взором, выбежали четыре собаки. Сосредоточившись, они стали обнюхивать каждое дерево и каждый куст. Вслед за ними из зарослей показался силуэт обречённого на гибель старика. Рамадан отвязал его от своего коня и сильным толчком в грудь повалил на землю. Старик оказался в плотном кольце всадников, вооружённых охотничьими ружьями.

Он лежал на промокшей от росы траве и дико, болезненно рыдал, крепко вцепившись руками в землю и уткнувшись лицом в лесные цветы. Он предвкушал самое страшное, что могло его ожидать, — мучительную смерть, к которой он был приговорён.

— На колени, старый сатир! — сквозь стук копыт произнёс в гнев барон.

— На колени! — повторил вслед за отцом Рамадан, после чего раздался выстрел, пронзивший звёздное небо.

— На колени, не то псам на растерзание отдам! — снова гнусным голосом пригрозил барон. — Рамадан, помоги этому ничтожеству подняться.

Услышав приказ, старший сын мигом спрыгнул с коня, взял старика за шиворот и поставил на колени его еле живое тело, после чего накинул ему на шею верёвку и так же быстро запрыгнул обратно в седло.

Фонари светили старику в лицо, ослепляя его. Зажмурившись, он вдруг увидел свет — свет, который манил уставшего и обречённого человека по ту сторону реальности, откуда он

когда-то пришёл в этот несчастный мир. Почувствовав лёгкое дуновение ветра, обнявшее его тело, он наконец прикоснулся к свободе, к которой шёл долгие семьдесят лет.

Одна его рука ухватила за тот мимолётный ветер, а другая всё не решалась расстаться со смертной оболочкой. И тут старик, который никогда не молил Бога и не просил Его ни о чём за все прожитые годы, посмел обратиться к своему Создателю:

— Боже, я много согрешил пред Тобою, — сказал он, не поворачиваясь в сторону барона.

— Боже, я был слеп, когда мне нужно было смотреть трезво на мир, в котором я родился, и принять его как Твой дар.

— Боже, я был глух, когда мне нужно было прислушиваться к заповедям, написанным Твоими устами.

— Боже, я был нем, когда мне нужно было говорить правду, но я молчал, боясь причинить себе вред, из-за чего страдали невинные люди...

— Молчи, старый прихвостень! Не смей взывать к Нему в моём присутствии! — громко крикнул барон, но старик его уже не слышал и ещё громче зывал к небесам.

— Господь, обрати свой взор на несчастного человека и услышь мои слова, ибо и Ты провинился передо мной! Я страдал в годы, когда шла большая война, на которой мне приходилось убивать и провожать в Твою обитель друзей и братьев, кого сразили вражеские пули. Господи, Ты отнял у меня душу, но не посмел забрать мою жизнь, чем обрёк на муки свыше моих сил. Потом Ты отнял у меня тех, кого я любил больше всех на свете. Я остался один, без крова над головой и с большой тяжестью на сердце. Я блуждал по сотворённому Тобой миру и везде проклинал Тебя.

Теперь, когда мой час пробил, я стою перед Тобой на коленях и с надеждой жду справедливости на чаше божественных весов. На ней Ты, Отец Небесный, взвесишь все мои грехи и противопоставишь им ту судьбу, которую уготовил мне. И Ты познаешь правду: что я был Твоим сыном больше, чем Ты мне — отцом. И сейчас, на границе последнего вздоха, я прошу лишь об одном: избавь меня от брэнной плоти и призови мою поникшую душу в Царство Твоё, где я снова смогу заключить в объятия своих близких после столь долгой разлуки. Разлуки, случившейся и по Твоей вине тоже.

— Ну как, старый лис, услышал тебя твой Бог? — усмехнулся барон. — Бога нет! Я для тебя здесь бог, мерзавец, посмевающий украсть у меня коня!

Но в ту ночь барон ошибался. Ветерок, обнявший тело старика, становился всё сильнее, пока не перерос в настоящую бурю. Собаки, испугавшись, бросились врассыпную. Лошадь Рамадана дёрнулась, натянула верёвку и, затянув петлю на шее старика, оторвала его от земли. В то же мгновение верёвка с треском лопнула, и бездыханное тело рухнуло на ночные цветы.

Через минуту всё стихло, будто и не было никакой бури. Барон и его отпрыски, потрясённые увиденным, застыли в молчании. Страх начал сковывать их души — сердца, в которые на мгновение постучался сам Господь.

— Что это было, отец? — заикаясь, произнёс Рамадан.

Младший сын заплакал от дрожи, пробежавшей по телу. Лишь непоколебимый барон, быстро придя в себя, строгим голосом начал наводить порядок:

— Чего нюни распустили, сорванцы? Нет никакого Бога, это всего лишь ветер! Рамадан, проверь старика, быть может, жив ещё старый лис.

Услышав приказ, Рамадан с осторожностью спустился с лошади и медленно подошёл к телу. Он стал прощупывать пульс, но, не обнаружив сердцебиения, со страхом в голосе произнёс:

— Он мёртв, отец. Господь услышал его слова и призвал его в Свою обитель.

— Молчи, негодник! — крикнул барон на сына. — Возьми себя в руки! Если бы сюда спустился сам Господь и прихватил меня с собой за совершённые злодеяния, но я здесь, живой.

Значит, это был мимолётный ветер. Роковая случайность, ставшая причиной смерти старого негодея.

Снова воцарилась тишина. Барон, нервно дёргая головой, в недоумении прокричал:

— Мальчишка! Ищите мальчишку! Рамадан, отвяжи старика и с братом отправляйся вглубь сада. Я пойду в лесополосу. Он не мог далеко уйти.

Через минуту я остался один. У подножия опушки, в нескольких десятках шагов, лежал мёртвый, но счастливый старик, от которого я не мог оторвать взгляда. Зная, в какую сторону ушли преследователи, я инстинктивно выбрался из зарослей. Бросив последний прощальный взгляд на старого товарища, я посмотрел на луну, которая своим светом указывала мне путь во тьме.

Не успел я сделать и нескольких шагов, как на единственной тропе впереди загорелись чьи-то глаза, а затем послышалось рычание. Из тени кустов появилась хозяйская собака. Словно опытный охотник, она перегородила мне дорогу, по которой я мог бы сбежать из этого проклятого сада. Много мыслей пронеслось в моей голове, но я хорошо помнил: страх покинул меня в ту минуту. Стоя лицом к её злобной морде, я почувствовал, что псина вовсе не желала мне зла, а, напротив, хотела помочь уцелеть.

В этот миг из глубины фруктового сада послышался голос разгневанного барона: «Гадкий, мерзкий мальчишка, да пусть земля уйдёт из-под твоих ног, а глаза не увидят рассвета!» Собака, засуетившись, словно почувствовав моё смтение, оказала мне неоценимую услугу. Она нашла лучшее лекарство от моего состояния: оскалив острые клыки, она стала рычать и кидаться на меня, прогоняя прочь в ночную мглу. Увидев её злобную морду, я испугался и наконец сумел сделать первый, самый важный шаг. После этого ноги сами понесли меня прочь от рабства.

Я побежал в сторону луны, озарявшей мне путь. Мой бег становился всё быстрее. Я не думал останавливаться, чтобы перевести дух, и бежал всю ночь напролёт. Сколько раз я падал и поднимался, продолжая движение, — одному Богу известно. Но, невзирая ни на что, я продолжал свой самый быстрый и долгий забег, который закончился лишь с рассветом на краю обрыва.

Под обрывом простирался золотистый песок, омываемый волнами могучей и широкой реки. Противоположный берег едва проглядывал сквозь пелену тумана.

Мои силы были на исходе, тело ломило от боли. Я понимал, что нужно двигаться дальше, но в этот миг раздался треск, и край обрыва ушёл у меня из-под ног. Скатившись вместе с глыбами сырой земли, я рухнул на мягкий утренний песок и от боли и усталости потерял сознание.

Когда я очнулся, то к своему удивлению обнаружил, что лежу на мягкой кровати в хате. У окна маячил силуэт пожилой старушки. Так я спасся от барона и его отпрысков и, по всей вероятности, от верной гибели.

Диалог 1

Глава 4. Психологический отчёт. Сессия 1.

— Ваш рассказ — это симфония страдания, виртуозно исполненная на струнах истерзанной души. Я ощущаю пульсирующее эхо вашей боли, но вместе с тем — робкое восхищение мужеством, с которым вы продирались сквозь тернии обстоятельств к едва различимому свету. Сейчас я задам несколько вопросов, внимательно опираясь на услышанное. Нам необходимо убедиться, что в самых тёмных лабиринтах вашего сознания не притаился диссонанс с вашими словами. Это деликатная, но необходимая процедура. Итак, поведайте мне, что вы думаете о той мимолётной буре, которая унесла жизнь вашего старого товарища?

— Дни его были подобны осеннему листу, сорвавшемуся с иссохшей ветви — обречены с момента падения. Срок его «заключения» неумолимо подходил к концу. Если бы не тот шторм, барон попросту вырвал бы его трепещущее сердце из груди. И тогда, когда старик осознал, что его ждёт участь горше самой смерти, он впервые воззвал к Тому, кто уготовил ему эту злосчастную судьбу. Наверное, там, «наверху», услышали его предсмертную мольбу, решили, что даже самый падший не заслуживает подобной муки. И тогда «Он» призвал его душу быстро и безболезненно, избавив от страданий. На лице моего товарища застыла блаженная улыбка — печать долгожданного избавления.

— Когда вы говорите «Он», вы подразумеваете Бога? Господь принял душу вашего друга в свои объятия?

— Тот, кого вы зовёте Богом, — всего лишь миф, призванный умирять отчаяние заключённых, инструмент поддержания тлеющей надежды и обуздания страха. Моего друга призвал не Бог, а Таинственный Голос, который вершит судьбы с момента оглашения приговора и до самого обретения свободы.

— Вы настойчиво повторяете слово «заключение». Почему? Вы ощущаете себя узником?

— Возможно, вы сочтёте меня безумцем, доктор, но да, я узник.

— Не стоит так волноваться. В наши дни границы между нормальными людьми и ненормальными размыты. Я буду вам глубоко признательна, если вы поделитесь тем, что разъедает вас изнутри. Почему вы дали старику именно такой ответ?

— Потому что это чистейшая истина, доктор. Горькая, но неоспоримая истина.

— Вы действительно полагаете, что жизнь — это тюрьма или её жалкое подобие?

— Да. Я знаю это совершенно точно.

— Что заставило вас уверовать в это? В чём корень этой идеи? Ваш ответ крайне важен для наших бесед. Возможно, именно там скрывается источник вашей «болезни». Позвольте мне помочь вам отыскать его.

— Я не отрицаю, доктор, что мои суждения кардинально отличаются от общепринятых. Но я человек, осуждённый и приговорённый за убийство к столь долгому и мучительному наказанию. Наказанию по имени Жизнь.

— Что вы хотите этим сказать? Поясните, о каком убийстве вы говорите?

— Я убил человека, себе подобного.

— Когда это произошло?

— Это случилось задолго до моего рождения. Это событие в моём мире зовётся заключением под стражу.

— О каком мире вы говорите? Где он находится?

— В мире, где светят два алых солнца, опалая выжженный горизонт своим нестерпимым жаром. Дорогу туда может отыскать лишь тот, кто испускает последний, судорожный вздох.

— Вы хотите сказать, что убили человека на другой планете, в мире с двумя пылающими красными солнцами, и за это чудовищное преступление были осуждены и «перерождены» на Земле? Я правильно вас понимаю?

— Да. Именно так.

— Как вы пришли к такому выводу? Что побудило вас в это поверить?

Почувствовав, что разговор неумолимо затягивает его в омут сокровенных откровений, пациент на мгновение засомневался, стоит ли обнажать свой тщательно оберегаемый секрет. Взвесив все за и против, он вновь решился продолжить беседу.

— Побудил меня сон, словно распахнувший врата к жуткой правде.

— Расскажите мне об этом сне. О том, что вам привиделось.

Заданный вопрос, словно острая бритва, коснулся оголённых нервов. Пациент еле заметно покачивал головой из стороны в сторону, будто кто-то яростно противился ему изнутри, не желая разглашения тайны. Возможно, это была его вторая, тёмная сущность. На мгновение он отстранился от окружающей реальности, бесследно погрузившись в сумрачный лабиринт внутреннего мира, но это состояние оказалось мимолётным, и вскоре он начал рассказывать о сновидении, явившемся ему в далёком детстве.

Сон

Глава 5. Карма — Путь к заключению через рождение

Внезапно охваченный усталостью, я погрузился в сон. Передо мной предстал путь, ведущий в край, забытый Богом и обречённый на страдания.

День прозрения вспыхнул над горизонтом. (В наших краях так называют рассвет.) На востоке полыхали два огненных солнца, и я созерцал их из окна, потягивая горячий изумрудный напиток, который наполнял меня энергией. Спустя мгновение, потянувшись к свежему воздуху, я вышел во двор. Там пестрели небывалые цветы и растения — калейдоскоп невиданных красок. Миновав оранжерею, я сел в транспорт, который ждал меня, и в мгновение ока очутился на золотистой магистрали, пронзающей небеса. Она устремлялась в бескрайнюю даль, и я мчался по ней, словно комета, оставляя позади чёрно-белые облака — будто застывшие в вечности сны.

После долгого пути и спуска с основной магистрали я оказался на второстепенной трассе, круто уходящей вниз. Вскоре мой путь завершился у Гиганта. Это был стеклянный монолит, гладкий и безупречно точный, вонзившийся в каменистую почву. Он не отражал свет, а поглощал его, отчего казался чернильно-синим в золотистом свете двух солнц.

На его поверхности не было видно ни стыков, ни дверей — лишь мерцающие вертикальные полосы, похожие на нервные окончания. Он подавлял своим масштабом и молчаливой, зловещей целеустремлённостью. Мои ноги понесли меня к нему, словно тело перестало принадлежать мне. Я прошёл сквозь невидимый проём, и внутри, где царил гулкий полумрак, кого-то искал. Наконец, подойдя к одной из стен, я распахнул невидимую прежде дверь. Я оказался в просторном зале, где в дальнем углу у окна возвышался огромный стол, за которым восседало существо, смутно напоминающее человека.

Встретив его без тени страха, я попытался заговорить на непонятном, но мелодичном языке, который, как оказалось, был ему знаком. Наша беседа, однако, обернулась яростным спором, а затем переросла в физическое противостояние. В слепой ярости я схватил со стола золотую статуэтку и обрушил её на голову существа, которое рухнуло на мраморный пол. Не успев осознать ужас содеянного, я оказался прикованным к электрическому стулу, слушая слова служителя закона, предвещавшие мой неминуемый конец.

— Заключённый, вам предъявлено обвинение в тяжчайшем преступлении — убийстве соплеменника. За это преступление вы лишаетесь права на защиту, и вас приговаривают к вечной каторге в дальних уголках вселенной.

Звонкий удар молотка по столу прозвучал как похоронный звон, утверждая окончательный приговор.

— Осудить. Приговор привести в исполнение.

Мощный электрический разряд пронзил меня насквозь, прожигая тело болью. Земля ушла из-под ног, и сознание взмыло ввысь. Я пронзал безграничное космическое пространство, пока не достиг огромной, пульсирующей сферы света — орбиты моей звезды. Там, в пустоте, меня встретил Голос. Он не был звуком: он был ощущением давления, чистым, ледяным приказом, который звучал не в ушах, а в самой костной ткани. Этот Голос принадлежал невидимой силе, словно первозданному закону, управляющему моей судьбой испокон веков.

— Протяни ладонь, заключённый.

Тот же загадочный Голос прозвучал из безмолвной тьмы. Казалось, он говорил на всех языках одновременно и ни на одном из них. Он был тихим, но всеобъемлющим, как шёпот, который слышен на расстоянии световых лет.

В панике и ужасе я протянул руку и ощутил нестерпимую, обжигающую боль, пронзившую меня, как печать кармы.

— Твой путь предопределён прошлым. Такова твоя карма, такова твоя судьба.

И тут же я был отброшен в бездонную пустоту космоса, и скорость стала абсурдом. Я, сверкающий сгусток энергии, пронзал космическую ткань, оставляя за собой лишь фотонные шлейфы и эхо бесчисленных галактик. Моя траектория пролегла сквозь планеты и звёзды, рисуя путь неописуемой красоты.

Путешествие завершилось не грохотом, а разрывом тишины. Я был втянут в ослепительное, пульсирующее зарево — голубой свет, который рос, превращаясь в цельный мир, кипящий жизнью. Это была Великая Сфера, гигантская, дышащая планета, полная зелени и океанов, отталкивающая и манящая.

В следующее мгновение произошло столкновение. Я врезался в неё на скорости, рвавшей время. Это был не удар, а аннигиляция формы: волна чудовищной энергии пронзила меня, разрывая на атомы кармического тела. Я ощутил, как вся Вселенная сжимается в одну точку боли, после чего осталась лишь жажда воздуха. Я захлебнулся в небытии, бился в безмолвной агонии, пытаясь вдохнуть то, чего больше не существовало, пока не наступила пустота.

И тогда пустоту пронзил крик. Резкий, живой, отчаянный, он разрезал тишину бытия, наполняя лёгкие вязкой, влажной реальностью. Крик новорождённого младенца — мой крик.

И я оказался в месте своего заточения, в этом забытом Богом мире, где я родился, чтобы искупить свои грехи.

— Первый вдох ознаменовал не начало, а лишь продолжение бесконечного круга, — сказал я себе.

Словно Феникс, восставший из пепла собственного преступления, я вновь оказался в колыбели, где стены — не что иное, как прутья невидимой тюрьмы. Каждый прожитый день был каплей яда, медленно отравляющей душу и напоминая о неотвратимости расплаты. Мир вокруг — лишь бледное отражение той вселенской красоты, что некогда мелькала в полёте сквозь космос. Годы текли, как слёзы по лицу вечности, и я, пленник земного бытия, наблюдал, как горизонт надежды тает в багровых закатах.

Диалог 2

Глава 6. Психологический отчёт. Сессия 2

Последние слова Сирота произнёс с дрожью в голосе, словно наступив на оголённый нерв, и, вновь схватившись за голову, принялся шептать молитву безумия, наматывая слова на засохшие и треснувшие губы:

— Если бы не эта проклятая статуэтка... быть может, избежал бы я этой участи.

Казалось, больной и впрямь был опутан липкой паутиной этого сновидения, и высвободить его из цепких объятий морока было равносильно восхождению на неприступную вершину горы. Сирота видел в своём сне не окно в мир иной, а бездну. Вглядываясь в неё, он лелеял иллюзию умиротворения. Ему мнилось, что с концом его земного пути все беды развеются, словно дым, и, взглянув в лицо самой смерти, он обретёт долгожданный покой для своей измученной души. Внимательно проанализировав его слова, жесты и мимику, я вновь приступила к расспросу.

— Как вы полагаете, мог ли этот сон стать той искрой, что разожгла пожар потрясений в вашей жизни?

Нужно было вернуться к первопричине в беседе с пациентом. Статуэтка была лишь символом — орудием, что запустило акт безумия в его сознании. Мой вопрос не застал его врасплох; казалось, он был к нему готов.

— В тот миг — нет. И поначалу я отнёсся к этому видению, как всякий здравомыслящий человек: сон и сон. Так, я говорил себе, пока вновь не оказался в мире, где небо разрывали на части два солнца.

— Вы хотите сказать, что это видение преследует вас с непрерывным постоянством?

— Да. Оно гложет мои мысли.

— Не приходило ли вам в голову, что этот сон, подобно хищной птице, выклёвывает вашу реальность? Вам начинает казаться, что вы живёте там, в лабиринтах подсознания, и именно поэтому обрекаете себя на страдания здесь, в настоящей жизни. Разве не так?

Задавая этот вопрос, я попыталась разрушить иллюзию умиротворения, которую дарил ему сон, и показать, что он ищет покой в месте, где его невозможно обрести.

— Я там не живу... Я там освобождаюсь. Это мой личный Эдем — территория покоя.

— Свобода — это отсутствие страха и надежды на завтрашний день. Что же тогда вас так терзает? Позвольте мне помочь вам вырваться из этого порочного круга.

Я обязана была предложить ему помощь и стать его единственной связью с действительностью, пока его рассудок не угас окончательно.

— Нет... Вы не в силах мне помочь. Такова моя судьба, мой крест. Я буду нести своё наказание до самой смерти, я обречён вечно вкатывать камень в гору.

— Судьба — это наша общая беда. Но, быть может, вы и правы... наказание. Тайна, словно запечатанный ларец, должна оставаться тайной. Не следует заглядывать так далеко, за черту жизни, где вы балансируете на краю пропасти, где притаилась ваша гибель, двери которой вы пытались открыть собственной рукой. Так нельзя... Вы не имеете права лишать себя жизни. Это неправильно!

Мне пришлось апеллировать к его чувству вины и его мистическим убеждениям о «кресте» и о необратимости его судьбы, чтобы отвратить от суицида. Использовать его же язык, но делать подобные шаги — с особой осторожностью.

— Знаю... Я больше не буду пытаться себя убить. Вы правы, доктор. Всему своё время, и мой час пробьёт, словно погребальный колокол. И в тот миг я стану свободным и вернусь к себе домой, не страшась гнева Тайнственного голоса и страха быть возвращённым.

— Что вы имеете в виду под словом «возвращённый»?

Я видела в этом слове ключевой термин. Это могло стать ниточкой к тому самому месту, где брало начало его безумие, — той зацепкой, за которую мне, как врачу, стоило ухватиться.

— Люди, добровольно ушедшие из жизни, попадают в чистилище справедливости, где их на время лишают души и возвращают на землю в обличье собаки или иного дикого зверя, чтобы они более не помышляли о побеге.

— Вы хотите сказать, что самоубийство — это побег?

Его слова лишний раз подтверждали мои догадки: он был пленён миром грёз.

— Да. Побег от себя, от боли, от мира.

— Зачем же вы пытались бежать, если понимали, что наказание всё равно настигнет вас?

Прямой и логичный вопрос, слетевший с моих уст, должен был прояснить ситуацию. Если Сирота был логичен в своём безумии, это должно было вызвать у него когнитивный дискомфорт — состояние внутреннего психологического напряжения, возникающее, когда у человека сталкиваются противоречивые идеи, убеждения или действия.

После моих слов он неожиданно, словно от удара током, вскочил со стула и направился к двери. Затем, резко развернувшись, вернулся к столу и, как ни в чём не бывало, опустился на своё место. Этот театр абсурда продолжался недолго, и наша беседа возобновилась.

— Мысли об этом не дают мне покоя с тех пор, как врач сказал о моём безумном поступке. Я не могу ответить на ваш вопрос, но знаю наверняка: я бы никогда не решился на столь безответственный шаг.

— Конечно же, нет... Только не вы. Простите меня, пожалуйста. Я бы очень хотела, чтобы наша беседа была более доверительной.

Мне пришлось ослабить давление и восстановить эмоциональный контакт. Резкие вопросы вызывали у пациента обострение. Сейчас главное — успокоить его и вернуть к нити повествования, тем самым позволив вернуть ту уверенность, с которой он начал рассказ. Меня же, как врача, тревожило не то, что пациент говорил обо всём этом с непоколебимостью, искренне веря в каждое слово. Он с фанатичным ожиданием ждал Судного дня, даже не пытаясь изменить свою жизнь к лучшему.

Однако были и положительные моменты. Рассуждая о том, что самоубийцы будут возвращены на землю в обличье животных, и противопоставляя это собственному жгучему желанию вернуться в родной мир, пациент навёл меня на мысль: больной не способен причинить себе вред. Он не лишит себя жизни, поскольку такой поступок навсегда закроет его душе путь домой.

Сирота вновь погрузился в пучину воспоминаний, и в его глазах, словно в двух мутных омутках, плясали тени прошлого. Голос его, подобно старой, заигранной мелодии, закрипел, повествуя о днях, когда в его жизнь вошла статуэтка. Она проникла туда, как змея в райский сад, принося с собой яблоко раздора и безумия. Он говорил о ней с трепетным ужасом, как о проклятом сокровище, способном отворить ворота ада.

— Она манит меня, доктор, — шептал он, — как светлячок во мраке ночи.

В его рассказе реальность переплеталась с бредом, словно корни старого дерева, уходящие глубоко в землю и обвивающие гниющие останки. Он был пленником своего разума, узником собственных кошмаров, обречённым вечно блуждать по лабиринтам подсознания. Я слушала его внимательно, пытаясь разглядеть здоровый росток среди сорняков безумия, надеясь отыскать ключ к исцелению этой израненной души. Не желая накалять и без того напряжённую атмосферу, я мягко попросила Сироту вернуться к рассказу — к моменту, когда у окна незнакомой хаты маячила фигура пожилой женщины. Это помогло бы сместить фокус с его мистических теорий о смерти и вернуть разговор в русло хронологии его жизненного пути. С готовностью приняв мою просьбу, он продолжил свой рассказ.

— Моя жизнь — это симфония боли, — прохрипел он, — написанная безумным композитором и исполненная оркестром отчаяния. Но даже в самой мрачной мелодии можно услы-

шать отголоски надежды, пусть и призрачной, словно луч света, пробивающийся сквозь грозовые тучи.

Приют

Глава 7. Злая игрушка брошенная добрым ребёнком

— Да будешь ты благословен, Отец Небесный, что извлёк отрока сего из царства теней! — восклицала она, и слова её звучали как погребальный звон по ушедшему и ликующая песнь о воскрешении. Перекрестившись трижды, она, словно ища защиты у высших сил, потянулась той же рукой к рубахе и извлекла нагрудный деревянный крест, почерневший от времени и молитв. Прикоснувшись к нему губами, словно к источнику жизни, она, улыбаясь — улыбкой, пробившейся сквозь морщины, как луч солнца, — подошла к кровати. Присев на стул, она нежно взяла меня за руку, и тепло её ладони отозвалось во мне робкой надеждой.

— Кто ты, мальчик, и как оказался погребён под грудой земли и песка, где тебя обнаружил мой брат, шедший тем берегом к своему месту ужения? — спросила она, и в глазах её плескалось сочувствие.

Несмотря на шквал вопросов, я не сумел выдать из себя ни слова. Горло пересохло от долгого, изнурительного бега, а язык прилип к нёбу. Проницательная старушка, поняв, что я не могу говорить, словно добрая фея, принесла благоухающую еду и безмолвно оставила меня наедине с собой.

На рассвете, как непрошенный гость, в хату вошёл милиционер в сопровождении женщины с неподвижным, каменным лицом. Она стала расспрашивать меня о происхождении.

— Кто твои родители, и где твой дом? — спрашивала она.

Но я молчал, как выброшенная на берег рыба, боясь снова угодить в лапы цыганского барона, о связях которого в милиции, словно эхо, напоминали слова ушедшего на небеса старика.

Не дождавшись ответа, они поступили как хищники с добычей: усадили меня в автомобиль и увезли в неизвестном направлении, оторвав от уютного дома и доброй старушки. Её силуэт удалялся и, наконец, растворился вдали у хутора, затерянного на краю света.

Дорога тянулась бесконечно, как река времени, и заняла почти весь день. К вечеру наш автомобиль, подобно загнанной лошади, въехал во двор обветшалого трёхэтажного здания. Внутри меня посадили за стол, сытно накормили, а после, не задавая больше никаких вопросов, проводили в комнату с кроватью и велели ложиться спать.

Дверь захлопнулась, и я остался один в комнате, погружённый в тусклый свет, словно в ожидании неизбежного. Несмотря на утомительный день, я ворочался на неудобной койке, как червь на крючке, размышляя о тревоге, терзавшей сознание, о месте, в котором оказался не по своей воле, и о людях, в чьи руки угодил. Ночь та была самой долгой, словно вечность, поскольку я медлил, не желая встречать рассвет. Но под утро организм, словно сломленная ветвь, не выдержал, и я внезапно провалился в сон, где ко мне в последний раз явился мой старик. Со счастливым выражением лица он, будто ангел-хранитель, не решался сказать что-либо, лишь под конец тихо произнёс на ухо:

— Вставай. Тук, тук, — и я проснулся, словно от удара молнии.

Через минуту раздался стук, и дверь в комнату приоткрыл человек, чьё лицо не выражало ничего, кроме вежливости. Он попросил меня пойти за ним. Пройдя по коридору, мы оказались в помещении, где меня уже ожидала та самая женщина, с которой я приехал. Она сразу же принялась донимать меня вопросами, пытаясь вытянуть хоть слово. Несмотря на натиск и угрозы, я по-прежнему оставался глух и нем.

Разочаровавшись, она кивнула в сторону того самого человека, который сопровождал меня, и без лишних слов покинула комнату. Дверь закрылась неплотно, и через щель я стал слышать разговор незнакомца и этой женщины.

— Что будем делать? — задала она вопрос.

После недолгой паузы прозвучал ответ:

— Может, он чего-то боится?

— Не знаю. Надо его определить в интернат, а там, если родители найдутся, будет хорошо.

— Я займусь этим вопросом. Постараемся на время пристроить его куда-нибудь.

Услышав слово «интернат», я содрогнулся, словно от ледяного прикосновения. Я слышал, что там с детьми обращаются плохо, издеваются, и потому начал обдумывать план побега из этого незнакомого места. По воле случая фортуна снова встала на мою сторону. Следуя за незнакомым, но приятным человеком, я оказался в буфете, где меня сытно накормили. После этого меня проводили в машину скорой помощи и отправили в больницу. Врач, осмотрев меня, увидел синяки и ссадины на теле и принялся допрашивать сопровождающего. После долгого разговора было решено оставить меня в больнице на обследование и лечение, чем я и воспользовался ночью. Спустившись в туалет на первом этаже, я выпрыгнул через окно на улицу и, оставшись незамеченным, сумел найти проход в ограждении и снова оказался на свободе.

На улице я чувствовал себя как рыба в воде, поскольку не представлял жизни без открытого неба над головой. Блуждал по лабиринту из бетона и стекла много месяцев, оставаясь в пределах города и не пересекая его границы. Бродил так до той поры, пока не был пойман за воровство тонко порезанного чёрного хлеба. В результате я опять оказался в руках милиции, где на этот раз суд постановил отдать меня на попечительство государства, приказав конвоировать беспризорника в городской детский приют.

В студёную зимнюю погоду милицейский «бобик» заехал во двор детского дома. Со скрипом открылась задняя дверь, и передо мной предстал толстый и грубый милиционер, чьё лицо было непроницаемо, как лёд.

— Выходи, сопляк, да поживее, времени в обрез, — скомандовал он.

Спрыгнув с машины, я оказался на мёрзлом снегу. Ветер, дувший в спину, пронизывал насквозь, поскольку одежда была рваной, а ботинки на ногах так и просились на починку.

— Чего стоишь как вкопанный, околеешь ведь. Давай живее топай за мной, пока по шее не получил!

Так, нехотя, я поплёлся по заснеженной дороге вслед за толстым и грубым милиционером. Приблизившись ко второму зданию, мы вошли внутрь, поднялись на второй этаж и оказались в коридоре, стены которого были окрашены в бело-зелёный цвет. Когда мы постучались в один из многочисленных кабинетов, оттуда послышался твёрдый командирский голос:

— Да, войдите!

Со скрипом двери, распахнутой рукой толстого милиционера, началась моя новая жизнь.

— Ну конечно, я вспомнил! Доктор, я вспомнил своё имя, которое мне дал «Очкарик», перед которым предстал в том кабинете.

Волнуясь, Сирота прервал свой рассказ и обратился ко мне. Я, в свою очередь, не смела сбивать его с ритма, вслух выразила восхищение, после чего он продолжил историю своей жизни.

— Вот видите, моей радости нет предела, теперь я смогу вас называть по имени.

— Предела нет даже у смерти. Доктор, я вспомнил!

Когда дверь приоткрылась, толстый милиционер вежливо произнёс:

— Разрешите войти, товарищ директор?

Оттуда без промедления послышался ответ:

— Товарищ капитан, прошу вас, проходите.

С этими словами я оказался перед худощавым и лысоватым человеком в очках, который обречённо произнёс:

— Я вижу, вы не один.

На что последовал более воодушевлённый ответ капитана:

— Так точно, вот постановление суда.

Достав из кармана запечатанный конверт, милиционер положил его на стол «Очкарику» и тем же радостным голосом добавил:

— В общем, к вам определили.

«Очкарик», взяв конверт в руки и кивая, с улыбкой на лице ответил капитану, но глядя мне в глаза:

— Хорошо, что определили. Добро пожаловать в наш общий дом, молодой человек!

После чего довольный сотрудник в форме пожал руку «Очкарику», а заодно легко похлопал меня по шее, пожелал удачи и с тем же скрипом двери исчез из вида, оставив меня одного в компании полного забот человека.

«Очкарик» пристально оглядел меня проницательным взглядом. Затем, взяв ножницы, он разрезал конверт и стал вчитываться в изложенные на бумаге слова, одновременно задавая мне вопросы:

— Давно по улицам ходишь?

— Я ответил, что давно, сколько себя помню.

— Здесь имя не указано. Звать тебя как?

Мой ответ был прост: я безымянный, у меня его никогда не было. На это «Очкарик» с тяжестью на сердце ответил:

— Ничего. Не имя делает человека, а его поступки. Ты согласен со мной, малец?

Я лишь с робостью кивнул и попросил его отпустить меня на волю. Но его ответ был таким, что я почувствовал в нём надежду на будущее:

— Не могу. Теперь я за тебя в ответе, и за имя твоё тоже. Давай выберем, какое тебе больше всего нравится.

После чего он стал перечислять имена. Я остановился на Иннокентии. Затем он начал перечислять фамилии, и я, не раздумывая, выбрал Жданова. «Очкарик» улыбнулся и воодушевлённо произнёс:

— Негоже быть с именем и фамилией, но без отчества. Так уж и быть, понравился ты мне, и потому отчество тебе дам своё.

Вот так я стал Иннокентием Николаевичем Ждановым. «Очкарик» подошёл ко мне, пожал руку и произнёс:

— Рад знакомству, молодой человек.

Благодаря его словам я нашёл свой дом, в котором впервые в жизни обрёл друзей и перед которыми дал обещание больше никогда не спасаться бегством.

Вскоре я влился в юный коллектив. До этого момента я был обделён общением со сверстниками и не понимал многих вещей, о которых они говорили. Но после недолгого промежутка времени всё встало на свои места, и меня уже было трудно выделить из малолетней толпы.

Самого старшего из нашей толпы звали Роберт. Он остался один несколько лет тому назад. Родители Роберта были военнослужащими и погибли на чужой войне в далёкой и незнакомой стране, выполняя интернациональный долг. Оставшись один, он так и не сумел найти общего языка со своими близкими родственниками, вследствие чего оказался в приюте для детей.

Следующего все звали «Падшим». Несмотря на столь удручающую кличку, он был самым умным из нас. О своём прошлом «Падший» не рассказывал ни слова; наверное, ничего хорошего в истории его жизни не было, потому он твёрдо решил забыть своё прошлое ради настоящего, в котором он жил, и будущего, куда смотрел с добрыми и воодушевлёнными надеждой глазами.

Третьего все кликали «Хромым». В отличие от «Падшего», он с радостью вспоминал свою прошлую жизнь. Родители его пьянствовали, пока однажды не случился пожар и барак, в котором они обитали, не сгорел дотла, забрав с собой его родителей. Мальчишка с сердцем

льва до последнего пытался спасти хоть кого-то из них, вырвать их из огненной пасти, но пламя было сильнее его детских рук. Когда же жар лизнул его кожу, он прыгнул в ночь, разбив окно и раздробив кость ноги, словно хрупкий лёд. Врачи колдовали над ногой, но та стала короче на два сантиметра — клеймо «Хромого», печать трагедии на его судьбе.

«Косой» носил репутацию бунтаря с душой, израненной ненавистью к стране Советов. «Очкарик», блюститель порядка, грозился сдать его милиции, но «Косого» не пугали ни нравоучения, ни тюремные стены. Его прошлое было тайной, но ярость к «красной звезде» горела в нём ярче пламени. Он рвал полотно флага, словно сердце врага, своим верным перочинным ножом. И всё же за этой маской анархии скрывался парень с широкой душой: он делился последней крошкой и последней заначкой, словно грабил самого себя, чтобы одарить других.

«Ржавый»... Имя, словно клеймо, приклеившееся к его внешности. У него была рыжая шевелюра и лицо, усыпанное прыщами, — карта боли, которую он пытался стереть, выдавливая гнойники по вечерам и устраивая истерики в комнате. Его прошлое — болото, где вечно пьяные родители топили его в слезах и обидах. Однажды «Ржавый» выбросил отца из окна. К счастью, падение смягчил палисадник, но этот поступок стал ключом к новой жизни — детскому приюту. Здесь, в его стенах, он нашёл тишину, избавившись от кошмаров и пьяных криков, что терзали его ночами.

«Лапша»... Прозвище, данное за любовь к макаронам. В его прошлом, казалось бы, нет трещин. Родители живы и здоровы, но «Лапша» бежал из дома, словно от чумы, не объясняя причин. Побег за побегом, пока его не схватила милиция.

— Они мне ненастоящие родители! — вырвалось у него.

Правда, словно гром среди ясного неба, обрушилась на его голову: он приёмный сын, возвращённый в любви и заботе. Но «Лапша» был непреклонен. Он отвернулся от них, пополнив ряды нашей компании. Приёмные родители осаждали его, приносили лакомства, умоляли вернуться, но «Лапша» оставался глух к их мольбам. Он мечтал найти своих «настоящих» родителей, словно искал потерянный рай.

«Малышка»... Самый юный, любимый всеми. Ему было всего пять-шесть лет, и прошлое его было чистым листом. Он помнил только маму, её нежный образ, её любящий взгляд. Ночами она приходила к нему во снах, и тогда, сквозь пелену грёз, он шептал четыре заветных слова: «Мама, я тебя люблю».

Вечером, когда команда «отбой» погрузила нас в полумрак, над нашими головами забрезжил тусклый свет, и завязалась недетская беседа.

Роберт с укором в голосе, словно зачитывая приговор, произнёс:

— «Лапша», зачем ты гонишь тех, кто принял тебя, обогрел? Они же любят тебя, хотят стать твоей опорой.

«Лапша», огрызаясь, словно дикий зверь, загнанный в угол, нехотя стал отвечать:

— Какое тебе дело до моей семьи? Я ищу свою, настоящую кровь!

В голосе его звенела сталь, готовая обрушиться на любого, кто встанет на пути.

Роберт с мудростью, выкованной годами скитаний, стал развивать возникший разговор:

— Странный ты, «Лапша». Нам идти некуда, а у тебя есть дом, есть те, кто заменили тебе родителей. Пусть не родные по крови, но любящие сердцем. Знаешь, что я думаю? Даже если ты найдёшь этих, настоящих, которые дали тебе жизнь, допустим, они ещё дышат этим воздухом... Что ты им скажешь? «Здравствуйте, мама и папа, я — ваш потерянный сыночек!» Нет, друг мой, твои родители — те, кто ищет тебя и ждёт твоего возвращения, а не те, кого ты пытаешься выкопать из пыли прошлого.

«Лапша», погружённый в пучину раздумий, молчал так долго, что тишина наполнилась гулом, словно в ушах после взрыва. Казалось, всё вокруг замерло, уснуло вечным сном. Но вот, наконец, из этой бездны молчания вырвался хриплый ответ:

— Легко тебе говорить, попробуй сам побывать в моей шкуре. В прошлый Новый год к отцу пришли его дружки праздник отмечать. А он, как всегда, в запое — неделями не просыхал. Не подумайте плохого: в таком состоянии он и мух не обидит, грубых слов не скажет. Сидели они, разговаривали, и один из них давай его стыдить: «Завязывай, мол, с этой отравой, до могилы так дойдёшь». А отец ему в ответ — резко: «Да поймите вы, я пью не от радости, а от обиды! Чем я Бога прогневил, что не могу своего ребёнка иметь?» А я стоял за дверью, и каждое слово, как кинжал, в сердце вонзилось. Тогда я и понял — я просто подкидыш. Понимаете? Чужой я им, и они мне чужие.

«Хромой» вздохнул, словно поднимая неподъёмный груз:

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, братец. Я тебя понимаю. Мне тоже доводилось слышать такие слова, только не из-за двери, а глядя прямо в глаза родителям. И вот, их больше нет, и вроде бы всё должно наладиться, да только не тут-то было. Ни дня не проходит, чтобы я о них не вспоминал. Жаль, что тот пожар их души унёс. Мы с тобой похожи, «Лапша». Только разница в том, что у меня были свои родители, пусть и нелюбимые, а у тебя — чужие, но любящие. Поверь мне: как ни крути, конец один будет. Потеряешь — и совесть тебя сожрёт.

И снова тишина... Только «Малявка» ворочается в своей кровати, скрипит ею, нарушая это кладбищенское спокойствие.

«Лапша», словно ища спасения в чужих советах, произнёс:

— А вы бы что сделали на моём месте?

Снова голос разорвал тишину — обращённый ко всем и ни к кому конкретно.

«Ржавый» с ядовитой усмешкой ответил:

— Да чтоб я ваши лица век не видел! Спал бы сейчас в мягкой постели, смотрел «Спокойной ночи, малыши» и не думал бы, как этого поросёнка Хрюшку на вертеле жарить.

Комната взорвалась хохотом — оглушительным, раскатистым. А потом снова воцарилась тишина, и сон, глубокий и безмятежный, окутал нас глубокой ночью.

Уловив перемену в тоне рассказа, я мягко прервала его:

— Ваша жизнь начала налаживаться. В тот момент вас не тревожили сновидения? Или вы стали ощущать вкус жизни, доселе вам незнакомый? Настоящий вкус рассвета, усталость, приходящую с днём, и сладость ночного отдыха? И, конечно же, друзья, чьи истории доказывали, что вы не один несёте бремя человеческой тяжести?

«Сирота» с ноткой светлой грусти в голосе стал отвечать:

— Вы правы, доктор. Жизнь действительно начала налаживаться. Мне нравилось в нашем общем доме, и я встретил там настоящих друзей, о которых буду помнить до последнего вздоха. Всё шло хорошо... Пока не случилось страшное. Я осмелился приоткрыть дверь в потусторонний мир, заставил моего любимого друга и брата прикоснуться к смерти...

— Вы меня пугаете. Что случилось?

Как вдруг из уголка его глаз робко скатилась слеза, и на миг он словно ушёл в себя. Боль, которую мы невольно затронули, так и не была залечена временем. Молчание заполнило кабинет, густея, словно патока. Пять долгих минут я терпеливо ждала, когда он вернётся в нашу реальность, но вместо этого он с невыразимой тяжестью в голосе продолжил рассказ о своей жизни.

— В тот вечер в актовом зале наша дружная компания утопала в смехе и шутках. Неожиданно, словно по мановению волшебной палочки, веселье переросло в откровения о снах, что ночами спускались в лабиринты нашего сознания.

«Малявка»: «Удивительно, я стоял на краю пропасти, а внизу, словно драгоценные самоцветы, цвели диковинные цветы, и за ними ухаживала моя любимая мама».

«Падший»: «Тебе везёт, малец, — проскрежетал он. — Ко мне отец приходит во тьме, пряча своё истинное лицо. Он всегда молчит, будто воды в рот набрал. Да и поделом ему. Даже если бы он заговорил, я бы не проронил ни слова в ответ».

Каждый из нас делился своими ночными видениями — страшными, счастливыми, тревожными и безмятежными. Лишь я хранил молчание. Заметив это, один из ребят обратился ко мне:

— Сирота, что же ты молчишь? Неужели тебе по ночам сны не снятся? Почему ты молчишь, когда мы делимся своими сновидениями?

И я совершил роковую ошибку. Преодолев свой страх, я поведал друзьям о своём сне. О золотистом небе, где царствовали чёрно-белые облака и пылали два багряных солнца. О существе, которое я убил золотой статуэткой. О суде и приговоре. И о таинственном голосе, предрекающем мою судьбу, и о крике новорождённого младенца, моём крике, с которым я явился на этот свет, чтобы искупить грех, совершённый в незнакомом, но до боли родном мире.

Мой сон, словно брошенный в воду камень, вызвал бурю чувств среди моих друзей. Одни были в недоумении, другие, как оказалось впоследствии, приняли его слишком близко к сердцу. Время текло неумолимо, день сменялся днём, а ребята снова и снова возвращались к обсуждению моих ночных откровений. С жадным любопытством они предавались этим разговорам, пытаясь докопаться до истины мироздания, до самой сути человеческой души. Опасность, словно зловещая тень, начала сгущаться над нашими головами. Первым забил тревогу «Падший». Отводя меня в сторону, он прошептал:

— Сирота, сон твой — не к добру. Боюсь, беду он на нас навлечёт.

Тогда, в тот самый миг, я не придавал его словам особого значения. Но «Падший» был удручён и встревожен моими рассказами. Он словно видел грядущее, чувствовал, как к нам подкрадывается беда.

«Малявка», этот неугомонный сорванец, чьи капризы и дурное поведение порой ставили его в неловкое положение, оказался более восприимчив к моим снам, чем кто-либо другой. Он принял их близко к своему одинокому сердцу. И в какой-то момент, постигнув в столь юном возрасте, что бегство из этой несчастной жизни приведёт его к любимой маме, он всё чаще стал говорить о том, что скоро покинет нас и отправится к той, в чьих объятиях так жаждал оказаться.

Мы не понимали, насколько он был серьёзен, и постоянно подшучивали над ним. Говорили, что если он посмеет отправиться к той, кого так сильно любит, то ангелы-хранители разгневаются и отдадут его душу во власть всемогущего таинственного голоса, который превратит мальчика в бизона или зайца, в которого будут стрелять пьяные охотники.

Учительница истории, словно гарпия, невзлюбила «Малявку» больше всех. Однажды, набросившись на него с очередной бранью, она вызвала в мальчишке бурю. Словесная перепалка вспыхнула, как порох. Озлобившись, она легонько стукнула его по голове, и тогда «Малявка», с отчаянием в голосе, прокричал:

— Если бы не ангелы-хранители, я убежал бы от вас!

Ослеплённая гневом, она выплюнула в ответ:

— Откуда у такого непослушного ангелов-хранителей? Они давно тебя покинули!

Ей ли было знать, что творилось в его душе? Слова учительницы, подобно ядовитым стрелам, вонзились в самое сердце. Вновь приняв пустые слова за истину, он разрыдался и, ослеплённый слезами, выбежал из класса.

Помню, в тот день солнце палило нещадно. Мы, словно мухи в сиропе, лениво сидели в беседке. Увидев «Малявку», мы дружно заголосили, как стоя голодных псов: жажда мучила, а идти за водой никто не хотел. Когда он подбежал, Роберт с приторной братской услужливостью попросил его сгонять за водой. В ответ «Малявка», словно грозовая туча, нахмурился и прошептал:

— Она сказала, что у меня нет ангела-хранителя... Сказала, что они давно меня покинули...

Но кто его слушал? Мы были поглощены своими взрослыми бреднями. Роберт продолжал кланяться воде, словно нищий — милостыню.

«Малявка» кивнул, словно сломленный тростник, и побрёл прочь от нашей компании. Не пройдя и половины пути, он резко остановился, повернулся к нам и, надрывая голос, прокричал:

— Я иду домой, к маме!

И, как испуганный зверёк, умчался в сторону учебного корпуса, растворившись в его стенах.

Мы же остались сидеть в беседке, как ленивые коты, обсуждая всякую чепуху.

«Ржавый» с циничной усмешкой бросил слова в мою сторону:

— Сирота, куда ты пойдёшь, когда выйдешь из этих стен?

Я глубоко вздохнул и ответил:

— Не знаю... Смотря какое время года будет. Зимой я точно с места не сдвинусь.

«Хромой», огрызнувшись, добавил:

— Ещё кто нас спрашивать станет! Дадут ксиву в восемнадцать, да пинка под зад: «Гуляй, Вася! Хватит задницу в тепле на халяву греть».

«Косой», словно сплетница на базаре, затараторил:

— Слышали, «Очкарика» на ковёр вызывали! Говорят, его время подходит к концу... Говорят, к нам нового бургомистра назначают! Неужели я дождусь дня, когда этого хмурагу спишут с листов истории нашего приюта? Слава тебе, Господи! Скорее бы этот день настал!

«Лапша», лениво пережёвывая что-то, вставил:

— Да это Гена Крокодил со второй группы за забор ушёл, старушку одну на кошелёк и пакет обчистил.

«Косой», сгорая от любопытства, спросил:

— Поймали?

«Лапша», хохотнув, ответил:

— А то! В кошельке ни гроша, а в пакете курятина оказалась. Так этот дебил недалеко в овраге костёр развёл, где стал эту курятину на вертеле поджаривать. Его там и приняли, тёпленького.

«Косой», разочарованно вздохнув, пробормотал:

— А я губу раскатал, что «Очкарика» спишут в скором времени... А здесь какой-то Гена Крокодил всего лишь начудил.

Роберт, захныкав, вспомнил про воду:

— Пить охота! Куда этот малец подевался? Где он так долго?

«Ржавый», огрызнувшись, ответил:

— Хоть за самой смертью посылай!

«Падший», с видом просветлённого, изрёк:

— Через три года мне на волю... Пойду в монахи.

«Ржавый», усмехнувшись, ответил:

— Будешь грехи незнакомцам замаливать.

«Падший», с мечтательной улыбкой, ответил:

— Грехи грехами, а идти больше некуда. Зато точно под золотыми куполами моя голова не пропадёт, и кишки в порядке будут. Пожрать там всегда что найдётся. Слава богу, мир не без добрых людей.

«Ржавый», махнув рукой, заявил:

— Далась тебе эта церковь! Одну тюрьму на другую сменять хочешь.

Все галдели друг на друга и общались, один лишь «Хромой», словно замороженный, смотрел куда-то ввысь. Вдруг, испуганно прошептал: «Зачем он там?», он спрыгнул с перил и во всё горло закричал:

— Малявка! С крыши слезай, живо!

Мы, как один, повернули головы туда, куда указывал «Хромой». Сердца наши сжались от ужаса, кровь застыла в жилах. «Малявка» стоял на краю крыши. Мы выскочили из беседки, подбежали к углу здания и, обезумев, стали кричать.

— Сирота! Училка сказала, ангелов нет! Их давно нет! Роберт, я иду домой, к маме!

Роберт, перекивая всех, рявкнул:

— Тихо! Заткнитесь! — затем, обращаясь к Малявке, крикнул: — Кто это сказал?! Тебе солгали! Ангелы никого не бросают! Вернись, маленький!

«Малявка» наивно:

— Учительница... Она не врёт.

Роберт:

— Она ошиблась! Просто лягнула! Дурак! Ты забыл, что будет, если уйти?! Они превратят тебя в зайца, на которого будут охотиться! Стрелять! Ты умрёшь один!

«Малявка» задумался. По щеке скатилась слеза, чистая, как утренняя роса, голос дрогнул, полный невыносимой тоски:

— Ты врёшь... Ты не хочешь, чтобы я ушёл к маме... Сирота, скажи ты! Скажи, что ангелов нет! Мне надо знать!

Я в порыве отчаяния кричал, пересиливая себя, чувствуя, как от моего слова зависит его жизнь:

— Не смей! Ангелы никого не бросают! Ты ошибаешься! Они превратят тебя в зайца! Охотники тебя прикончат!

«Малявка» прошептал голосом, полным последней надежды:

— Братцы, что мне делать?

Он, словно маятник, качнулся над нами, его крошечный силуэт заслонил солнце. Оказавшись перед выбором, он потерял опору и оступился, как я когда-то в том саду. Время остановилось. Малец не кричал. Его маленькое тело склонилось в сторону пропасти и беззвучно полетело вниз.

Не успели мы моргнуть, как он с треском ударился о бетонный плац, словно хрупкая игрушка, брошенная злым ребёнком. Конец, но, может быть, и начало. На лице «Малявки» застыла блаженная улыбка — улыбка встречи с мамой. Он разжал руки, и бутылка с чистой, прозрачной водой покатила прямо к ногам обезумевшего Роберта. Даже умирая, он исполнил последнее желание старшего товарища, покинув этот Богом забытый и проклятый мир.

Диалог 3

Глава 8. Психологический отчёт. Сессия 3.

Тишина в кабинете была плотной, как старый бархат, поглощающий все звуки. Я задвинула шторы, оставив единственный источник света — настольную лампу с приглушённым абажуром. Её лучи отбрасывали тёплые, но резкие тени на лицо Сироты, подчёркивая усталость и тонкую сеть морщин вокруг глаз, делавших его старше своих лет. Эмоции рвались наружу, не подчиняясь воле измученного человека.

Я отметила, как его правая рука, лежавшая на колене, внезапно сжалась в кулак, добела напрягая костяшки пальцев. В его поведении читалась крайняя уязвимость, он будто снова стал ребёнком. Тревога и чувство вины нарастали, требуя немедленного выхода, чтобы хоть немного сбавить этот эмоциональный накал.

Сквозь прикрытые веки, подобно лучу солнца как сквозь хмурое небо, пробились предательская слеза. Она медленно, но неумолимо прочертила чистую дорожку через недельную небритость на его щеке. Последние слова потонули в плаче, полном тоски по незаживающим, кровоточащим ранам прошлого.

Возможно, его травма была вызвана давней трагедией. По сей день он оплакивал юного друга, и эта тяжесть давила на его обессиленные плечи. Из-за этого Сирота обрекал себя на вечные муки, пытаясь искупить грех, в котором сам же себя и винил. Эта картина, выжженная клеймом в памяти, заслоняла собой настоящее. Он боялся даже взглянуть в будущее, где мог бы быть счастлив. Будущее казалось ему миражом, ускользающим призраком надежды. Он его не просто не видел — он активно отвергал, считая это предательством по отношению к прошлому.

Сложный диалог требовал осторожного захода. Я тщательно выбрала момент. Мой кабинет был моим инструментом: запах старой бумаги и лёгкий аромат лаванды — всё это помогало пациенту приземлиться. Я подала Сироте стакан воды, наблюдая, как утихает буря в его душе, как дрожь в его руках понемногу уступает место оцепенению.

— Надежда умирает последней, — прошептала я, начиная разговор и желая рассеять непроглядный туман вины, давящий на его плечи и отравляющий его душу.

Я решила начать с установки доверительного контакта и снижения сопротивления, используя известную поговорку как психологический якорь для работы с темой отчаяния.

— Этот случай оставил на вас неизгладимый шрам, выжженный на сердце. Нам нужно разобраться во всём, доказать вашу невиновность и тем самым освободиться от этого бремени.

Я сделала акцент на потребности в оправдании и снятии тяжести, чтобы углубить нашу работу.

Сирота, низко поникнув головой, прошептал:

— Моя вина очевидна, доктор. Я толкнул его в пропасть. Это как отнять жизнь в мире, который мне одновременно знаком и незнаком, где небо пылает двумя кровавыми солнцами.

Я снова наблюдала усиление применения пациентом образного языка. «Два кровавых солнца», вероятно, символизируют внутренний конфликт между двумя реальностями или миром грёз и явью.

— Вы поступили так же, как и все ваши друзья. Вы всего лишь рассказали свой сон, и в этом нет ничьей вины, включая вашей.

Смягчение чувства личной ответственности. Фокус требовалось сместить на коллективную динамику с целью снижения сопротивления, выхода больного из изоляции и стабилизации терапевтического контакта.

Сирота сделал ощутимую паузу, после чего вернулся в диалог.

— Слова, как и поступки, отражаются во времени, подобно эху. Малец был так молод. Я должен был проявить особую осторожность, когда рассказал ему этот сон.

— Откуда вам было знать? Вы сами были ещё ребёнком, маленьким птенцом, выпавшим из гнезда. Вы не виноваты и должны жить дальше, вопреки всему, что произошло.

Возврат в позицию жертвы обстоятельств, а не виновника, для снижения внутреннего противоречия. Акцент на незрелости пациента с моей стороны был необходимостью для предотвращения фиксации на травме. Сказанные мной слова «должны жить» указывали ему тропинку на ещё не видимом перекрёстке.

— Жизнь после этого лишена смысла. Она превращается в бессмысленное скитание. Я умер в тот миг, когда Малыш бездыханно рухнул у наших ног. Его голос, звучавший как похоронный звон, навсегда застыл у края той пропасти.

Демонстрация синдрома выжившего. Происходит обесценивание будущего как защитный механизм. Необходима смена темы для нарушения цикла руминации — навязчивого прокручивания негативных мыслей.

— Вы не умерли. Вы всё ещё живы, но отказываетесь в это верить, тем самым обрекая себя на невыносимо тяжёлую судьбу. Позвольте мне называть вас по имени, которое дал вам Очкарик.

— Оно не принесло мне счастья, доктор. Я отрёкся от него в дни своей юности. Оно словно проклятие, тянущее меня на дно.

Отречение от имени являлось, на мой взгляд, попыткой диссоциации, отделения от прошлого.

— Я понимаю вас, но с ним связаны и счастливые моменты вашей жизни: мгновения, когда вы обрели друзей, нашли крышу над головой, свой маленький уголок в этом огромном мире. Вы должны позволить позитивным воспоминаниям заполнить пустоту в вашей душе. Дайте свету шанс пробиться сквозь тьму.

— Возможно, вы правы, но я здесь, а то имя осталось в прошлом, и ему уже не наверстать пройденный мной путь. Время неумолимо, как река, текущая вспять.

Пациент демонстрирует низкий уровень рефлексии в отношении позитивного опыта. Сопротивление сохраняется, но состояние пациента остаётся стабильным.

— Да, я вынуждена с вами согласиться. Я понимаю, через что вам пришлось пройти. Я бы многое отдала, чтобы оказаться рядом с вами в тот трудный час, протянуть руку помощи.

— Благодарю вас, доктор, но в те времена ко мне в помощь прислали посланника Бога.

— Расскажите мне о посланнике Бога.

Нигмат Ирикон

Глава 9. В одеянии монаха в котором он нашёл приют, но так и не обрёл покоя

После происшествия с Малявкой я, словно тень, уполз в свою скорлупу, затворившись от мира, будто в каменном склепе. Ночи стали ареной жутких кошмаров, где демоны прошлого терзали мою душу, а солнечный свет дня не мог пробиться сквозь мрак отчаяния, что окутал меня. Вскоре, словно под воздействием неведомой силы, во мне начали происходить странные метаморфозы. Сны мои наполнились тенями ушедших некогда людей или же призраками тех, кто собирался вновь родиться. Каждая душа, будь она вознесённой в небеса или эмбрионом, ждущим своего часа воскрешения, жаждала узнать, как изменилась земля, словно вопрошая: «Что стало с нашим домом, пока нас не было там?»

Реальность превратилась в блеклое подобие жизни — существование, где лишь в мире сновидений пульсировала настоящая кровь. Там, в этих призрачных обителях, я искал друзей, шептал им о Малявке, словно о потерянной звезде. Но голоса потустороннего мира, словно эхо из бездны, твердили одно: «Беглецы томятся в Оболочке Справедливости, где взвешивается тяжесть их грехов, и участь их предрешена». Участь тех, кто осмелился прервать нить жизни, дарованную свыше.

Однажды я очутился на берегу озера, столь прозрачного, что казалось, будто смотришь в зеркало вечности. Рыбы, чья красота превосходила все земные описания, скользили в его глубинах, словно живые драгоценности. Небо над озером сияло золотом, напоминая купол рая, но на другом берегу зияла мрачная клякса — чёрное облако, изрыгающее потоки дождя, под которым, будто изгнанник, сидела душа старика, ищущая покоя.

Увидев меня, он поднялся, и ненастье двинулось в мою сторону. Прохлада коснулась моего лица, и дождь, словно обняв меня, пробудил в моей душе тоску по настоящей жизни. Старик, словно читая мои мысли, произнёс: «Да пусть дождь сей смывает печаль, терзающую твою душу».

Я спросил, кто он и почему за ним неотступно ступает ненастье.

Глубоко вздохнув, старик присел на замшелый пенёк и печальным голосом начал свой рассказ: «Зовут меня Ерёмой. Скоро к тебе явится мой сын, облачённый в рясу монаха. Прошу, передай ему, что Маруся оклеветала его. И тогда хмурое облако оставит меня в покое».

В этот миг я услышал голос Малявки, и старик, отшатнувшись, исчез, словно растворился в тумане. А под облаком, переставшим извергать ливень, возник мой друг, и на его лице сияла ангельская улыбка. Он произнёс голосом, полным неземной чистоты: «Не приближайся ко мне, иначе тебя ждёт участь страшнее моей».

«Почему?» — спросил я.

«Негоже живому касаться мёртвого, иначе случится беда», — ответил он.

Тогда я спросил, нашёл ли он свою маму. В ответ раздался весёлый детский смех, сквозь который он прокричал: «Оболочка Справедливости оправдала мой побег, и теперь я отправлюсь домой, я очень скоро её увижу, но никогда больше не встречу с тобой».

Грянул гром, и молния пронзила хмурое облако. Ливень, словно стена, обрушился на землю, смывая с моего взора счастливое лицо друга. После этого сновидения в моей душе забрезжил свет надежды. Однажды, открыв глаза, я увидел перед собой Очкарика, моего верного товарища, который крепко держал меня за руку и прошептал: «Проснись, на дворе светит солнце, пора согреть душу от печали».

Его слова прозвучали как исцеляющий бальзам. Я встал и впервые за долгое время вышел на свежий воздух, где под лучами всемогущего солнца начал возвращаться к прежней жизни, к своей настоящей реальности.

Время шло. Лапша, осознав неразрывную связь с родной плотью, простил приёмных родителей и вернулся в отчий дом. Ржавый не выдержал и сбежал из приюта. Роберта, по его просьбе, перевели в другой интернат, ибо он больше не мог переносить вид кровати Малявки. Кровать, на которой спал мой друг, навеки закрепили за ним. Никто и никогда больше не ложился на неё. Лишь яркие свежие цветы украшали её по ночам, и я, глядя на них, успокаивался, надеясь, что мой брат обрёл покой и умиротворение.

Кошмары, терзавшие меня, отступили, но моя душа по-прежнему блуждала на границе миров — там, откуда приходят новорождённые и куда возносятся души умерших, в пространство, дорогу к которому можно было отыскать лишь в моих сновидениях.

Наконец, в один из дождливых дней ко мне зашёл Очкарик, а следом за ним, словно тяжёлая поступь рока, вошёл монах. Очкарик вежливо кивнул и молча вышел за дверь.

Монах стоял передо мной в чёрной рясе, местами прошитой нитями серого цвета, а длинные волосы скрывала неряшливая шапка-ушанка. На истощённых скулах сквозь рыжую бороду проступали морщины горечи и утраченной надежды. Стрелки часов, висевших на стене, проделали несколько оборотов, но монах всё стоял, испепеляя меня тяжёлым взглядом, словно не зная, с чего начать разговор. Внезапно он снял с плеча мешок, достал из него свечу и с трудом зажгёт её, воспользовавшись отсыревшими спичками. Взяв свечу в руки, он охрипшим голосом начал читать молитву:

«Господи, дай мне, рабу Твоему, Нигмату Ирикону, силы спасти душу заблудшего и вернуть его на путь праведный. Дабы козни лукавого не терзали сердце мальчишки и отступили от столь юного, непорочного создания. Дабы душа раба Твоего примирилась со своей смертной оболочкой и обрела умиротворение в сотворённом Тобой мире. Господи, брось свой взор на раба Твоего и коснись Своей божественной рукой плоти его, чтобы он смог ощутить Твоё присутствие, заботу и поддержку, столь необходимые для обретения веры Твоей».

Нерешительно подойдя к моей кровати, монах поставил зажжённую свечу на тумбочку и, сменив молитву на разговор, обратился ко мне:

— Да пребудет с тобой Господь, юное дитя. Люди молвят, будто ты грех необратимый на себя взвалил, в смерти друга себя винишь. За это обрёк себя на страдания: глаза по ночам не смыкаешь, а то и вовсе пробуждаться ото сна не желаешь. Не ешь, не пьёшь и даже говорить ни с кем не хочешь, будто язык тебе кто отрезал. Покайся, сын мой, и слово тебе даю — непременно полегчает, и душа твоя, быть может, успокоится.

— Я ждал вас, святой отец, — ответил я.

— Дай я угадаю, тебя кто-то известил о моём приходе. Это к лучшему: значит, не придётся иные слова подбирать, чтобы прикоснуться к твоему сердцу. О снах твоих мне известно, а о случившейся беде я тоже знаю. Почему я здесь? Знаю, что в глубине своей юной души ты задаёшься этим вопросом, и я отвечу. Я здесь, потому что сам Господь меня послал. А вдруг случится так, что и вправду смуту твою отогнать сумею? И пока есть надежда на слабый луч света, я буду там, где мне и положено быть.

— Спасибо вам, святой отец, я ценю вашу заботу, но меня сейчас больше беспокоит не моя участь.

— Я понимаю твоё беспокойство, но то, во что ты уверовал, — огромная ошибка. Жизнь по определению не может быть тюрьмой. Жизнь — это самое удивительное и дорогое, что есть у человека, это дар Всевышнего. Оглянись, неужели высокие деревья и птицы, сидящие на их ветвях, — это тюрьма? Земля, по которой ты ступаешь, вода, что утоляет жажду, пища, которую ты вкушаешь, — всё это дар Господа нашего, и со словом Его нужно этот дар, по имени жизнь, принять. Каким бы горьким и порочным он ни казался.

На мрачном и озабоченном лице монаха проскользнула незаметная улыбка, и, не показывая вида, довольствуясь тем, что всё же смог закончить свою проповедь строго по сценарию, он впал в некое оцепенение, предчувствуя бурю в возникшей тишине.

Пауза была столь велика, и, убедившись, что батюшка ожидает от меня слов больше, чем ему самому хотелось сказать в мой адрес, я воспользовался данной обстановкой и начал говорить то, что был должен:

— Принять так же, как и вы? Вы не смогли принять то, что было уготовано вам от вашего Господа. Много лет тому назад вы сбежали из собственного дома и от стыда и позора укрылись под одеянием монаха. Помилуйте, батюшка, вы ушли недалеко от меня, мы оба изгои на этой Богом забытой земле.

Мои слова заставили пошатнуться отца Ирикона. В его тяжёлом взгляде погас огонь надежды, а душу охватило смятение. Будучи в таком состоянии, он не понимал, откуда мне известно о его прошлой жизни. Часы на стене всё продолжали тикать, а монах стоял со сжатыми кулаками и поникшей головой. И всё же, набравшись смелости, он сумел выдавить из своих уст лишь несколько слов:

— Кто ты? Бес или ангел?

Понимая, что состояние святого отца ухудшается с каждым ударом часов, я немедленно стал отвечать:

— Я ждал вас, святой отец. Как вы знаете, мои сны не такие, как у всех, я могу там жить, как наяву. Вы спрашиваете себя, откуда мне известно о вашей прошлой жизни? Рассказал мне всё старик, назвавшийся Ерёмой, — бородатый, замученный временем старик. «Маруся оклеветала тебя, вернись домой», — повторял он раз за разом. Ему очень плохо, он застрял между двух миров, а его несчастное тело будет омыwać хмурое облако до той поры, пока вы, святой отец, не исправите ошибки, допущенные вами в прежней жизни.

Лицо священника побледнело от услышанного, страх окутал его сознание. Он отказывался верить в то, что ему сказал мальчишка, но вдруг капля слезы, сорвавшаяся с век, покати-лась по щекам и в мгновение скрылась в густой бороде, оставив лишь мокрый след у грустных и печальных глаз. Священник впал в уныние и долго молчал, жалея о расставании, отделявшем его от настоящего и прошлого, где он когда-то совершил непоправимую ошибку. Вдруг именно здесь, на этом месте, ему захотелось повернуть время вспять. Душа, омрачённая мраком, давала надежду быстро стучавшемуся и возрождающемуся сердцу. Сделав несколько тяжёлых вздохов и собрав все оставшиеся силы, он разжал кулаки, после чего начал говорить:

«Прошное своё я вспоминать не люблю и с большой тяжестью на сердце с этим живу. Откуда, по правде, ты про жизнь истинную в прошлом моём ведаешь, я не знаю. Дабы всё прояснить об истории своей, считаю делом чести поведать тебе то, о чём ты посмел мне напомнить. Имя моё — Нигмат, по отчеству я Васильевич, но на деле батю Ерёмой величали, и об имени родном мало кто на свете знал. Родом я из маленькой деревушки, где всего проживало пять сотен душ староверов, и наша семья была одна из них. В этом одеянии монаха я нашёл приют, но так и не обрёл покоя. Даже стоя на алтаре Божьем, раны прошлого по сей день кровоточат».

Отец мой угас, когда мне едва минуло пятнадцать зим, а облик матери, отдавшей жизнь за меня, я знал лишь по блеклой фотокарточке — печальный привет из небытия. Одинокий, как былинка в поле, я жил, как мог, как Бог велел: потом и кровью добывал хлеб насущный, от зари до заката, от посева до жатвы. Добрые люди, словно ангелы-хранители, делились последним, за что им — поклон до самой земли-матушки. К семнадцати годам я стал мужиком, закалённым ветрами и невзгодами, пахал землю, не зная усталости, пока солнце не валилось за багряный горизонт.

И вот, после осенней страды, на сенокосе, словно видение, явилась она — девушка из соседней деревушки, что стояла вёрстах в двадцати от нашей. С первого взгляда, как магнитом, потянуло меня к ней, будто к родному человеку, к той, что предначертана судьбой. Любовь вспыхнула, как искра в сухом сене, и расстаться мы уже не могли. Вскоре я привёл её в свой дом с округлившимся животом, полным новой жизни, и стали мы жить, как в сказке, с трепетом и нетерпением ожидая рождения нашего дитяти.

Однажды морозным утром моя возлюбленная поехала в дом своей матери. Проводив её, я долго стоял на веранде, вдыхая свежий воздух наступившего дня. Радость моя была полна до той поры, пока в суровую зимнюю пору, когда мела метель, не ворвалась в мой дом тётя Маруся, словно фурия из преисподней.

— Ты что, окаянный, другую жену не мог найти? Именно на этой вздумал жениться! — закричала она, меча громы и молнии, словно бес вселился в неё. Все мои попытки успокоить её разбивались о стену безумия.

— Не пара она тебе! Отправь её немедленно домой, иначе гореть тебе в геенне огненной за союз с ней! — твердила она, как заведённая. — Верни её матери, пока нам всем худо не стало!

Я был взбешён. В здравом уме я пытался объяснить ей, что не откажусь от своей любви даже ради родной тётки. И тут, как гром среди ясного неба, прозвучали слова, ставшие началом всех моих бед, превратившие меня в изгоя.

— Верни её, Нигматушка! Христом Богом тебя прошу, верни её матери! Сестра она тебе по крови отцовской! Верни, пока отпрыск у вас не появился!

— Как сестра? — воскликнул я в безумии. Меня словно парализовало. Страх сковал мой разум.

— Сестра она твоя! — твердила окаянная старуха. — Наталья, мать её, нагуляла твою возлюбленную шестнадцать лет назад. Неужели отец не рассказывал тебе об этом, чтобы огрადить от греха лютого?

С каждым её словом я всё больше терял дар речи.

— Чего ты молчишь? Верни её в родной дом! Отрекись от неё! — не унималась старуха. Схватив моё лицо в ладони, она стала трясти мне голову и, охрипшим голосом, с гневом глядя на меня, всё повторяла: — Скажи, что вернёшь! Поклянись!

Не выдержав натиска, я обречённо прокричал:

— Мы ждём ребёнка!

Тишина сменила безумный разговор.

— Грех-то какой! — вновь послышался обречённый голос старухи. — Господи, прости ты меня! Поздно узнала... Куда её мать смотрела? Чтобы провалиться ей под землю! Позор какой! Как людям в глаза смотреть? Как же теперь креститься перед ликом Господа? Отчего Ерёма не поведал тебе о ней? Нагулял девочку от этой дряни, внимания ей не уделял, спрятался от позора, лишь бы тайна явью не стала! До такого детей своих довёл, что сам на том свете в гробу перевернётся!

Пятясь к выходу, одурманенная тётка Маруся выскочила на улицу и растворилась в снежной пурге. Как я оказался за столом, не помню. Застывший, как камень, я потерял ощущение реальности. Открытая дверь хлопала, как крылья смерти, а вой выюги наполнял слух невыносимой музыкой ада. Наступающий холод брал верх над огнём в печи. Сколько времени прошло с тех пор, как она ушла в пургу, я не знаю.

Когда огонь в печи совсем погас, в дом ворвался Митрофан. Схватив меня за плечи, он заплетаящимся языком стал выплёвывать слова, ставшие предвестниками моей смерти:

— Нигмат! Твоя тётя Маруся заявила в дом твоей жены и вонзила Наталье нож прямо в грудь! С окровавленной рукой в метель ушла вон долой! Люди говорят, след кровавый к речке вёл, где она утопилась подо льдом!

Деваться мне было некуда. С трудом оторвавшись от Митрофана, я разлил керосин и поджёг свой дом. Затем пришёл на кладбище, где покоился отец, и в ярости сбил кресты с его могилы. С тяжёлой ношей на душе я навсегда покинул родные края.

Много лет спустя, уже будучи священником, я встретил Данилу, старого старовера с наших мест. Облачённый в рясу, он не узнал меня, хотя и вглядывался в мои глаза с особым вниманием. Назвавшись чужим именем, сдерживая эмоции, я расспросил его о своей судьбе, о возлюбленной и ребёнке.

Данила поведал, что она родила девочку и сразу уехала. Наталья, её мать, выжила. Тётю Марусю похоронили за оградой кладбища как нечестивую, а кресты, сбитые с могилы моего отца, сочли кознями дьявола и прокляли весь наш род.

Печаль сковала сердце Нигмата Ирикона. Он не смог сдержаться и заплакал. Слезы, словно капли крови, падали на деревянный пол, но сквозь боль стала пробиваться надежда, утраченная много лет назад. Смахнув их, сквозь тихий плач он продолжил:

— Случилось так, что я пришёл в эти стены, чтобы помочь тебе. Однако Господь распорядился иначе, и ты посмел зажечь давно погасший огонь моей души. Не знаю, откуда тебе известно о боли, которую я скрывал от всего мира, да и знать не желаю. Правду ли ты говоришь о сне, в котором явился мой отец? Пусть всё остаётся так, как решил Господь. Надеюсь, моя исповедь укажет тебе свет во тьме.

Закончив рассказ, монах смахнул с себя мантию и предстал передо мной в мирской одежде. Подняв с пола мешок, он неторопливо повесил его на плечи и уверенным шагом, не оглядываясь, ушёл за дверь. Больше святой отец не приходил. Остаётся лишь надеяться, что, оставив мантию, он вернулся в свой дом, к прежней, счастливой жизни.

Диалог 4

Глава 10. Психологический отчёт. Сессия 4.

Рассказ пациента затягивал меня в зыбкую трясику его жизни, сотканной из причудливых эпизодов и встреч с людьми, случайно выброшенными волной судьбы на его прибрежную дорогу. Сирота, повествуя об отце Ириконе, часто тряс головой, и в этом жесте сквозила искренняя боль за искалеченную судьбу монаха. Я, увлечённая повествованием, словно зачарованная необычной историей, утратила бдительность и, поддавшись очарованию интриги, продолжила наш диалог.

— Как вы считаете, облегчило ли покаяние отца Ирикона перед ребёнком тяжкую ношу этого несчастного человека? Стал ли он счастливее?

— Не могу ответить наверняка. Счастье — это когда душа поёт, а мир расцветает красками, а не когда тьма сжимает сердце в ледяной хватке. Монаха в те минуты, должно быть, раздирали оба эти чувства.

— Вот видите, значит, у нас всегда есть право выбора, и им может воспользоваться каждый живущий на Земле. «Во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Но и радость выбора — это тоже мудрость.

— Разумеется, я тоже могу. Но меня терзают последствия. Не обернётся ли моя свобода очередным несчастьем?

— Значит, вы боитесь восстать против той кармы, которую вам предначертал Таинственный Голос? Боитесь, что он разгневается за ваше стремление к свету и улыбке? Вспомните: вы вдохнули жизнь в того, кто потерял надежду, кто, словно узник, запертый в пещере, видел лишь тени былого. И в награду своему исцелителю он сбросил с себя мантию отшельника, вернувшись к своей прежней жизни. Вы подарили ему миг, утраченный в прошлом. Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них бороться. Почему бы и вам не последовать его примеру? Ведь его слова о том, что исповедь укажет вам путь во тьме, были неслучайны.

— Мне очень хочется верить, что отец Ирикон вернулся к своей семье, и она, несмотря на долгую разлуку, смогла простить его. Вы правы, доктор. Возможно, мне следует восстать против самого себя больше, чем бояться гнева всесильного голоса.

— Я рада слышать эти слова. Будем считать это первым шагом к новой, более благополучной жизни. Вы вдохнули в меня надежду — как в человека, так и во врача. Спасибо вам.

— Позвольте спросить: зачем вам это? Зачем вам помогать мне?

— Я врач, и у меня нет иного выбора. Я поклялась помогать каждому, кто нуждается в моей помощи. Иначе меня ждёт разочарование, возможно, я угасну, как и вы угасли в тот миг, когда взглянули в глаза своего погибшего товарища. «Врач исцеляет, природа врачует», — говорили древние. И я — лишь инструмент в руках этой силы.

— Вы проникательный доктор. Отдаю вам должное за попытку взять неприступную крепость в моём лице. Я понимаю вас и совсем не против помощи, а порой даже мечтаю о ней. Но мне жаль вас. Сломать мои убеждения — значит сломать меня самого, убить. А с вашей клятвой я потяну за собой и вас.

— Знаю, что будет непросто. Но я не допущу ещё одной трагедии. Я сумею различить ту хрупкую грань, которую нам не следует переступать.

— Но как вы поймёте? Я запутался и устал от бесконечного блуждания по лабиринту своего сознания.

— Я почувствую. Как и вы почувствовали, когда сумели достучаться до сердца отшельника. «Сердце сердцу весть подаёт». Мы будем осторожны, будем держать друг друга за руки и в этой борьбе одолеем этот проклятый недуг.

Наступила тишина. Сирота задумался над ответом. Теперь я чувствовала себя пациентом, ожидающим приговора своего доктора. Но он сжалился надо мной, оставив мою некомпетентность незамеченной, а его слова, столь близкие моему сердцу, легли на мои раны бальзамом, согревающим душу.

Сирота нарушил молчание:

— Последняя фраза монаха оказала мне неоценимую услугу. Тогда, будучи ребёнком, я понял, что всё зависит от меня.

— Сизиф, в конце концов, познал абсурд своего бытия и в этом познании обрёл свободу, — согласилась я, стараясь удержать нить беседы и не дать ей ускользнуть в отчаяние. — Возможно, именно принятие этой неизбежности и есть ключ к вашему освобождению: не бороться с ветром, а, подобно птицам, расправив крылья, купаться в его потоке.

Требовался рефрейминг — приём, позволяющий изменить восприятие ситуации через смену контекста. Этот метод помогает увидеть реальность с более конструктивной точки зрения, обрести смысл и принять ответственность за свою жизнь. Понимая это, я не стремилась анализировать отдельные проявления психики, а пыталась пробиться к внутреннему миру моего подопечного и его ценностям.

Он усмехнулся, и в этом мимолётном жесте промелькнула тень былой иронии, словно призрак прошлого.

— Вы предлагаете мне сдаться? Принять свою судьбу как неизбежное зло?

— Вовсе нет! Я предлагаю вам изменить угол зрения. Вместо того чтобы видеть в каждой неудаче наказание, разглядеть в ней урок. То, что нас не убивает, делает сильнее, не так ли? Ваши шрамы — это не признак поражения, а уходящая тень, впереди которой вас ждёт неизбежная победа.

Сирота по-прежнему демонстрировал сопротивление. Следовало использовать когнитивную реструктуризацию, чтобы изменить интерпретацию его негативного опыта, — психологический метод, направленный на выявление иррациональных мыслей, вызывающих эмоциональное напряжение. Но как прибегнуть к подобным действиям в сложившейся ситуации? В разговоре, проходящем по острию лезвия, я была полностью лишена доминирования.

За окном сгущались сумерки, окрашивая стены кабинета в тревожные оттенки. Я чувствовала, как нарастает напряжение, как воздух вокруг нас густеет, словно перед грозой. Пациент молчал, погружённый в свои мысли, и в этой тишине отчётливо слышался стук моего сердца, отсчитывавший мгновения, отделявшие меня от фиаско или триумфа.

— Вы сумеете изменить своё настоящее, а после — и будущее. Я верю в это, — с уверенностью произнесла я, дабы пробудить его от затянувшейся паузы.

Обратив на меня взгляд, он наконец заговорил:

— Я много раз пытался изменить своё будущее, свой завтрашний день. Я очень старался, но трудности преследовали меня, снова сея смятение в душу.

Смута

Глава 11. Клеймо предателя и печать проклятия, выжженная в душе кровью невинных жертв

(На стене висят часы, круглые, будто шар земной. Шаг за шагом я иду, заставляю их бежать. Сколько времени мне нужно, чтобы секунда стала минутой? Сколько времени мне нужно протоптать длинный путь и оказаться в том же месте, где минуты пробьют час — час забвения и свободы, ожидающих меня?)

Со дня встречи с монахом минуло много лет, ко мне подкрадывался день моего совершеннолетия. Из старых друзей не осталось никого. Лапша приходил ко мне всё это время, и в один миг куда-то пропал; близился второй год, как о нём не было ничего известно.

В приюте становилось всё больше детей, в одно время не хватало даже кроватей, куда их можно было бы положить, а вскоре нас начали кормить всё меньше и меньше, и мы стали голодать. Учителя и воспитатели, на ком лежал груз ответственности за детьми, приносили еду из дома, но на всех еды всё равно не хватало. Не выдерживая тяжести наступивших времён, многие учителя безвозвратно покидали свои рабочие места, поскольку им переставали платить заработную плату, а по телевизору с каждым часом всё больше говорили о государственном перевороте. О революции, которая, как выяснится позже, разобьёт надежды миллионов граждан, обрекая их на беззаконие, невыносимые условия жизни и полный закат советского человека.

Человека, на смену которому приходил обыкновенный бандит и разбойник, кто, пользуясь разрухой и безнаказанностью, уничтожал самое дорогое, что могло быть у простых людей, — свободу и равноправие. С этими напавшими на Советскую страну невзгодами я ожидал часа своего нового пути, мига свободы, дарованного мне по праву уходящим в небытие государством. К восемнадцати годам я превратился в настоящего мужчину. Получив все необходимые знания для самостоятельного образа жизни, научившись письму и чтению, а также имея огромный дар и особый взгляд на окружающий мир, я с трепетом ожидал встречи с открытым небом.

— Вот и всё, я сделал всё, что в моих силах, и сделал бы ещё больше, если бы не этот ненавистный мне переворот. Здесь адрес общежития, сынок, последняя комната, которую я смог выбить для детей-сирот. Отдашь предписание коменданту и заселишься. На обратной стороне листа указан номер телефона, по которому ты сможешь устроиться стажёром на местный завод. Я очень надеюсь, что у тебя всё сложится. А теперь ступай и даже не оглядывайся, ты повзрослел, больше тебе здесь не место.

Заклучив меня старыми, но по-прежнему крепкими руками в объятия, будто собственного ребёнка, которого видел в последний раз, он произнёс:

— Береги себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.